

Галина
ЧЕРЕДИЙ

Сойкина
ВОРОНА

Галина Чередий Сойкина Ворона

Серия «Любовь без обоснуя», книга 11

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70387336*

Аннотация

Он – неисправимый оптимист и балагур, идет по жизни с улыбкой. А о чем грустить? Молод, здоров, руки не из задницы, голова варит, денег на жизнь хватает, потерь тяжелых не ведал, друзья есть опереться, девушки долго не ломаются и краткие интрижки случаются с завидной регулярностью. Ну, а для чего-то серьезного... да ладно, еще не время. Короче, все есть и всем доволен.

Она считает, что судьбой ей справедливо не отмерено теплоты и ярких красок – просто недостойна. Ведь если ты больше всего в жизни хотела любви, но тебе в этом было отказано изначально, значит, на то есть веские причины. И нужно быть мазохисткой, чтобы по-прежнему желать того же и открывать сердце для новых ножевых ран. Одиночество безболезненно и этого у нее было в достатке.

А потом они встретились...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Галина Чередий Сойкина Ворона

Пролог

Церемония похорон завершилась и многочисленные скорбящие стали постепенно покидать место погребения, переговариваясь, всхлипывая и охая, и выглядывая через ограду автобус, что должен их отвезти в кафе на поминки. Осталась лишь беззвучно плачущая женщина в черном и ее спутник.

– Почему она здесь? – женщина в траурной косынке вздрогнула, как от удара, и ткнула пальцем в темноволосую девушку с букетом, остановившуюся в десятке метров от свежей могилы, утопавшей в живых цветах.

– Тома, не надо, – тихо попросил ее невысокий полноватый мужчина средних лет и попытался положить ладони на плечи, укрытые черной шалью, но скорбящая резко шагнула вперед, ускользая от попытки ее успокоить, и так и не отпустив указывающего на девушку дрожащего пальца.

– Как ты прийти посмела, а?! – наоборот повысила голос она. – Мерзавка!

– Томочка, прошу тебя... – снова попытался мужчина, явно избегавший смотреть на девушку, по щекам которой уже катились ручьи слез. – Не нужно... не на кладбище же... Лю-

ди смотрят...

– Она пришла сюда... Посмотреть пришла, дрянь? Убедиться, что девочку мою в сырую землю уложила?

– Мама, пожалуйста... – гулко сглотнув ком в горле тихо попросила девушка.

– Не смей, змея! Не смей меня так называть, слышишь? В гробу моя дочь лежит, понятно? Куда ты ее и загнала! А тебе я не мать! Никогда чтобы из твоих уст... Никогда! – женщина сделала еще шаг, и ее ноги подломились, она с рыданиями рухнула на колени.

Оба – и мужчина, и девушка, уронившая букет, бросились к ней. Но от брюнетки та шарахнулась, падая спиной на подоспевшего спутника и хаотично замахав руками со скрюченными пальцами, как если бы хотела одновременно бить и царапать.

– Прочь от меня, гадюка! Пошла прочь! Проклинаю тебя! Проклинаю день тот, когда ты в доме нашем появилась! Лучше бы я умерла в тот миг, когда только придумала взять тебя! Завистливая, неблагодарная мерзавка!

– Мама, умоляю, хотя бы выслушай... – взмолилась девушка, но только вызвала еще больший взрыв ярости.

– Ты всегда старалась все у нее отнять! Портила жизнь! Только и искала чем бы еще подгадить! И нашла! Нашла, змея ядовитая! Сердце девочке вырвала! Довольна? Довольна теперь? Получила, что хотела? Ненавижу-пошла-вон! Вон-вон-вон!

– Уходи! – рявкнул теперь и мужчина. – Хочешь и ее в могилу свести? Мало горя ты нам принесла? Мало им еще за добро отплатила?

– Мама, мамочка, прости меня, прости, умоляю... Пап, ну пожалуйста! Я не думала, не хотела такого...

– Пошла вон! Я хочу чтобы тебя не было! Чтобы это ты тут лежала, а не она! Чтобы сдохла, и никто бы по тебе и слезинки не пролил!

Ревущая навзрыд девушка попятилась, наступая на цветы и, резко развернувшись, побежала с кладбища.

– Выброси это! – ткнула в покалеченный букет белых хризантем несчастная мать. – Выброси! Прочь! Ничего от нее не должно быть рядом с моим ребенком!

Несколько лет спустя

– Какие-то проблемы? – спросила очень стройная брюнетка, кивнув на документы в руках руководителя охранного агентства, с изучением коих он затаил.

– Скорее уж, у меня есть несколько вопросов, – ответил Корнилов, отрывая взгляд от бумаг и посмотрев в лицо соискательницы со своей обычной пугающей цепкостью, но никаких признаков нервозности девушка не выказала. – И самый первый: вам не кажется, что вы слишком хороши для нас?

– Поясните?

– Школа с золотой медалью, сплошные победы в соревнованиях и олимпиадах по разным предметам, КМС по кон-

куру уже в тринадцать, отличница по спортивной стрельбе, к шестнадцати годам уже третий дан в тхэквондо... – перечислил мужчина явно не все. – Очень завидные достижения для столь юного на тот момент возраста.

– И они на ваш взгляд могут стать помехой в трудоустройстве к вам? – сухо спросила девушка.

– Дело не в том. С таким жизненным стартом вы наверняка бы могли претендовать на нечто более престижное, чем должность личного охранника.

– Могла бы. Если бы хотела этого.

– Тогда позвольте узнать, в чем вы находите для себя привлекательными перспективы у нас. Вы же явно человек, привыкший добиваться первенства и ярких результатов, а профессиональный телохранитель – это, в первую очередь, незаметность и четкая работа всегда в тени объекта.

– Я была таким человеком, но многое поменялось. И работа у вас видится мне как раз тем, в чем нуждаюсь на данный момент.

– Хм... Хорошо. Тогда еще один момент. У вас был весьма скоротечный брак, а после развода нет никакой информации ни о ваших спортивных достижениях, ни о продолжении образования, ни о месте работы до нынешнего момента. Могу я узнать – чем вы занимались в этот период.

– Это не имеет значения.

– Позвольте мне судить.

– Несколько лет я жила достаточно удаленно от цивили-

зации.

– Насколько?

– В одном из поселений далеко в тайге.

– Секта?

– Да. Но осознала, что это не то, что мне необходимо.

– Необходимо для чего?

– Для ... – соискательница запнулась и нахмурилась. – Для того, чтобы справиться с последствиями личной трагедии.

– Развода? – заметно насторожился Корнилов.

– Нет. Он так же был одним из последствий.

– Еще вопрос. Последний, – после небольшой паузы продолжил мужчина. – Скажите, на ваш взгляд работа охранника имеет нечто общее с героизмом?

– Прошу прощения?

– Вы спасаете чьи-то жизни, рискуя собой, и тому подобное.

– Разве героизм может быть за оговоренную заработную плату? Личная охрана – всего лишь работа, хоть и вероятно опасная.

– Ладно. Давайте попробуем, – после еще одной тяжело затянувшейся паузы с пристальным взглядом вконец кивнул Корнилов. – Вы можете приступить к обучению и тренировкам на общих основаниях, Евгения. Добро пожаловать в «Орион».

Глава 1

Сойка

– Мишаня, сынок, ты куда это с пустыми руками собрался? – пресекла мою попытку просочиться тишком из квартиры мама. Крался ведь, что тот нинзя, и все равно услышала или просто почувствовала при помощи чисто материнских сверхъестественных способностей поползновение несанкционированного бегства из дому без стратегического продовольственного запаса. – Я вот тут тебе покушать собрала. Борщик в баночке, котлетки с макаронками твои любимые в судочке, салатик, компотик в бутылке...

– Ну, ма-а-ам! – взвыл я, закатив глаза. – Ну какие, нафиг, судочки-баночки! Я в кафешке напротив офиса поем!

– Ага, поест он! – мигом строго нахмурилась родительница. – Мало того, что в кафешках этих кормят не пойми чем, и не знамо кто готовит, может, даже без санкнижек, так еще и знаю я тебя! Сто раз забудешь или поленишься. Бери давай!

Мне решительно сунули в руки черную сумку, звякнувшую и булькнувшую содержимым и мигом оттянувшую руку.

– Мам, ну че за фигня-то? Ты опять на целую роту наложила там? – привычно бесполезно возмутился я, взвесив сумку в руке и получил уже ставший обыкновенным ответ.

– Какая там рота, Мишаня! Ну, не самому же тебе кушать, по углам от товарищей прячась.

Ага, прям пароль-отзыв уже у нас стал, но пора рвать этот порочный круг, и так уже затянул.

– Да меня эти товарищи скоро вообще засмеют!

– Смех, сынок, жизнь продлевает, а гастрит – напротив! – отрезала жестокая женщина, состоящая со мной в близком родстве, подтверждая, что пытаться спорить бессмысленно.

Споры с женщинами для мужчин вообще недостойное, а главное – бесперспективное занятие, все равно правым ты в них никогда не будешь признан, если судить по моему опыту с мамой и бывшими. Есть у тебя разумные доводы, нет ли их, прав ли ты и насколько – особям противоположного пола всегда глубочайше похрен. Промолчи, прикинься, что смирился и сделай по-своему. И огреби потом последствия с необходимым для этого стоицизмом, когда эта самая особь узнает обо всем. Или свали так же молча и безвозвратно, если огребать остохренело с данной конкретной же особью. С девушками работает, с мамой, само собой, – нет, тут другие методы нужны.

– Какой гастрит, мам, да у меня желудок – луженый, хоть гвозди жри и кирпичами закусывай, – проворчал я, но чертову сумку взял и стал обуваться.

— Миша, ну что это за «жри»! Жрут помои и свиньи, а люди кушают. — Мама придирчиво прошлась взглядом по моей куртке с Орионовским логотипом, стряхнув видимые только ей пылинки, и поправила галстук. — Удачной тебе смены, сынок. Береги себя, пожалуйста.

Я чмокнул ее в щеку, сунул одну руку в рукав дубленки, покорно подставил башку под нахлобученную мамой шапку и вырвался наконец из квартиры, тут же бунтарски дернув долбаную удавку на шее, максимально расслабляя. Эх, пора уже сваливать опять на съемную хату и жить самостоятельно, иначе, и правда, скоро изжогу наживу от чрезмерной опеки. Маму я обожаю и все понимаю насчет этого стремления заботиться, но я-то не мальчишка и не рукожоп какой-то, в состоянии и сам о себе побеспокоиться и обслужить во всех смыслах. Сразу после армии ведь поселился отдельно, но полгода назад после внезапной смерти отчима вернулся опять домой, чтобы приглядывать за совершенно растерянной в горе матью. Но сейчас-то вижу, что она полностью оправилась, вон, подружки толпами со своими обязательными к пристроюству замуж дочурками-хорошими-какими-девочками косяками пошли, сеструха мелких почти каждые выходные подкидывает на откорм и выгул, да и поклонник у родительницы нарисовался, ничего так вроде мужик.

А мне уже, край как, нужно свою личную жизнь в нормальное русло возвращать, так что точно пора съемом но-

вого жилья озадачиться. Ибо я, прям пипец как, ненавижу трахать женщин не на своей территории, есть у меня такой пунктик. Чудится, что если тебя уже заволокли на вражескую жилплощадь, то строят некие планы, а я ни к какому планированию не готов еще. А в родительский дом жертву соблазнения приводить я вообще ни разу не сумасшедший. Мало того, что взрослому мужику откровенно стремно жить с мамой (тук-тук, сынок, а вам, может, чайку? А покушать? Может, покажешь девушке свои спортивные награды? А детские фото? Буээээ! Прощай, эрекция), так потом придешь как-то с работы, а твое увлечение прошлой недели с мамой пельмени лепит. И хорошо, если ты пришел не с новой жертвой... Чур меня, еще не нагулялся, и царапины от ногтей на роже, п*здец, какая болючая и долгозаживающая хрень. Так что, буду уже сегодня у парней спрашивать, может, кто в курсе насчет сдающихся поближе к офису хат, тем более точно знаю, кого я хочу привести в нее первой. Пох, что согласие объекта типа не светит, я не я буду, если мою Черную Лыдину не увижу голой в своей постели.

Спустившись на три этажа, я остановился и прислушался, убеждаясь, что мама не вышла на площадку понаблюдать за удачным спуском по лестнице сыночки и нажал на звонок перед дверью обшитой драным рыжим дерматином.

– Не заперто! – по обыкновению отозвались изнутри, и я вошел в прихожку, чуть поморщившись от табачного тяжелого духа, намертво въевшегося в местные стены.

— О, Михась пришел! — приветствовал меня Сашка Логинов, наш сосед года на три младше меня, с которым мы приятельствовали, и хохотнул, заметив мою ношу. — И как всегда не с пустыми руками.

— Тихо ты! — рыкнул я на него и протолкнулся мимо его дрыщеватой фигуры на кухню, тут же споткнувшись о валяющуюся на полу бутылку из-под портвейна. — Блин, вы когда порядок хоть наведете, засранцы? У вас только если бутылки по хате все собрать и сдать, то можно жить безбедно следующие полгода, а то и спальное место новое прикупить. А то твои диваны уже навывлет протраханы и дымом от травы так пропитались, что можно обивку в косяки сворачивать и курить — точно торкнет.

Сашка жил один, отдельная квартира этому везучему паскуднику досталась от умершей бабки, и он превратил ее в место паломничества околотворческого молодняка. Хотя практически любому пришедшему с бухлом, жрачкой, травой и просто интересной беседой под кофеек с сигаретой тут были рады. И как-то так везло парню, что ни буйных, на наглых, способных переполнить чашу терпения соседей, к нему не заживало. Так сидели, пили-курили, на гитарах бренчали, потрясая длинными сальноватыми патлами, групповушки устраивали с утонченно-отвязными девицами из своего кулька, никому этим жить не мешая. Эдакий притон, конечно, но по лайтовому варианту, без чернухи и экстрима. Я и сам тут раньше зависал, бывало, но потом выяснил опыт-

ным путем, что всему коллективному предпочитаю индивидуальное. Опять же нет лишних поводов посещать венеролога.

– О, спасибо тебе, щедрый белый человек! – сложив молитвенно руки у груди, поклонился мне Сашка. – Благодарю тебя, что не даешь зачахнуть с голоду презренному мексиканцу!

– Смотрите банки не побейте, завтра за посудой зайду, – предупредил я, выставляя на заставленный стаканами и пепельницами стол свое продовольственное пожертвование для будущей культурной элиты страны. – Жрите на здоровье. Я умчался.

– Спасибо, Михась, вот, правда, от души! – крикнул мне уже без всякой клоунады Сашка, но я оборачиваться и задерживаться не стал. В шмотье местное амбрэ вьется, и потом полдня народ в офисе станет принюхиваться и морщиться.

В дверях подъезда столкнулся с Наташкой Литвиновой, моей бывшей одноклассницей, которая уже успела обзавестись двумя, походу, перманентно орущими спиногрызами и мужем-долбо*бом, которому мне пару раз мозги вывихнутые чрезмерной дозой пивандрия вправлять случилось. Жаль, что самой Наташке так же нельзя, как и большинству баб, вздыхающих вокруг с жалостью, но и не думающих ее поддержать не в сраном «у них же дети, надо терпеть», а в том, чтобы пнула своего пивозавра под сраку. Вот почему такая странная херня – бабу с мужем бездельником и алкашом

все жалеют, а решительная разведенка, что никому не плачется и терпеть не хочет – стерва, так ей и надо. Вот как Анька, сестра моя старшая. Терпела – была для всех «бедная Анечка», а как перестала – гадости пошли разных вариаций от «у нормальной жены муж не бухает и не гуляет» до «да кому она теперь с двумя прицепами нужна, еще и с характером стервозным таким».

Наташке я помог поднять по ступенькам крыльца коляску и два баула с продуктами и утрамбовать все в лифт, пока она одного мелкого пешком туда затыгивала, а второго помладше на себе. Кивнул на тихое «спасибо» вкупе с опущенным взглядом и стыдливо вспыхнувшими щеками и матернулся только когда двери лифта захлопнулись. Вот, бля, почему ей стыдно из-за своей задроченности и необходимости нуждаться в чужой помощи, а этому ее мудиле, что наверняка сейчас дома в диване дыру пролеживает – нет? Нихера мне это не понятно.

Прежде чем выйти на улицу под очи наверняка взирающей на меня сверху мамы, встряхнул сумку, придавая ей объем и видимость прежней заполненности, и, махнув рукой, бодренько потопал к тачке.

Когда подъезжал к офису, пошел снег, сразу частый и крупный. Завтра после смены суточной точно мою ласточку раскапывать придется.

– Здорово, мужики! – прошелся я мимо сменщиков и оперативников, пожимая руки и стараясь не выпускать из виду

стеклянные двери офиса. – Че-как у нас? Происшествия были?

Скалился и трепался, а внутри все натягивалось, подбиралось, будто какой хищник перед прыжком.

Восемь пятьдесят, значит вот-вот будет явление Вороновой народу. Вообще она обычно приходила ровно без пяти девять, точнехонько, хоть часы по ней сверяй. На моей памяти отклонения туда-сюда на минуту-две всего трижды случились, так что я тоже быстро подстроил свое расписание, чтобы всегда быть в первом ряду, так сказать. Если ты тот радостно улыбающийся придурок, кого девушка видит первым, каждый день, приходя на работу, то какие варианты, что ты не западешь ей в душу? Мне так глубоко не нужно, конечно, хватит и между ног погрузиться, но что поделать, если объект высокой упертости попался?

Кое-кто из мужиков ржал надо мной, мол, я своей достачувственностью наоборот добиваюсь стойкого результата противоположного желаемому, но тут уже дело принципа. Клал я на чужое мнение. Как там? Вижу цель – не вижу препятствий и с курса сбиваться не намерен.

Глава 2

Ворона

– Блин, Женька, вот тебе не стремно жить тут? Хотя бы ремонт какой замутила. – завел свою любимую песню Колька – хозяин большой крайней комнаты в нашей с ним коммуналке. – Вот я реально не могу тут оставаться. Мало того, что дом этот старый, пипец, какой, так и вообще атмосфера такая гнетущая. Я даже когда за барахлом приезжаю мурашек ловлю иногда. Прямо и жду, что из стен призраки полезут. А ты тут постоянно живешь, еще и одна.

Обвела глазами все вокруг. Стены, выкрашенные уныло зеленой, но неубиваемой масляной краской еще советского производства, железная раковина в ржавых неотчищаемых разводах, сто раз латанные трубы, окно с деревянными рамами, наверное еще времен дореволюционной постройки самого здания, такого же предположительно возраста дощатый щелястый пол в пятнах рыже-коричневого колера в не слишком истертых ногами местах, давно посеревший потолок с кое-где отвалившейся штукатуркой. Нормально все. На голову ничего не падает, не течет нигде, меня не напрягает значит.

– Может, тебе тараканов травануть в своей комнате, чтобы мурашей не ловить, и из стен не лезло, – без улыбки посоветовала ему и пошла из большой общей кухни, на которой до сих пор еще даже шесть старых плит стояли в два ряда, по коридору к себе.

Лично меня все в том, как живу, устраивает более чем. Безлюдье и пустота. Полное соответствие внешней обстановки внутреннему содержанию. Гармония.

– Да сдалось оно мне, травить тут кого-то. Я сегодня все последнее барахло собрал, послезавтра с приятелем приедем на его тачке, отвезем кой-че из бабкиного в комиссионки, а мое – к Вальке, и больше хренушки ты меня здесь увидишь скоро. А ты бы хоть мужика завела что ли. Или квартирантов пустила в пустые комнаты, че они стоят бестолку. Студенты какие-нибудь, конечно, много платить не смогут, но у нас же тут и не президентские апартаменты. Зато не одна. Опять же уют какой-нибудь организовали бы.

– Студенты? Уют? – оглянулась через плечо и чуть не плеснула себе на пальцы горячим чаем. Что, если соседу эта мысль слишком понравится, и он решит ее в жизнь превратить?

– Ну а че? Если только девок пустить, то может быть. Не все же такие, как ты, и им пофиг. Опять же, времена сейчас смотри какие, жить одной ссыкотно ведь.

А, ну да-а-а, соседствовать с целой толпой девиц будет куда как безопаснее по нынешним временам, конечно.

– Мне – нет. Пока. – Ответила и закрыла дверь в свою единственную обжитую комнату.

Нам с Колькой эта коммуналка на двоих досталась от наших бабуль. Ему одна комната от своей, и мне остальные пять от бабушки Тамары. Она работала в домоуправлении или как там это зовется, и когда расселялись люди из других комнат, она смогла то ли выкупить их за бесценок, то ли вообще за так переоформить и даже приватизировать успела. А потом отписала в мою пользу, поссорившись с родителями, не желающими больше обо мне и слышать. Я, конечно, считаю, что они полностью правы, заслужила на все сто, но у бабули было свое мнение на сей счет, и год назад после ее смерти недвижимость отошла мне. Жить где-то нужно, вот и живу, хотя ни малейшего желания что-то менять не возникло, и вряд ли оно когда-то будет. Не наплевать ли насколько неуютно, обшарпано и пусто вокруг, когда в душе все в сто раз хуже.

Покормила рыб в огромном аквариуме на четыреста литров, что занимал целый угол небольшой комнаты – тоже часть моего наследства, глянула на старинные напольные часы, разбавляющие тишину комнаты свои громким тиканием. Прошлась вдоль книжной полки туда-сюда и поняла, что просто поест и лечь спать не выйдет. Ни силовые упражнения на тренажерах, ни едва теплый душ в раздевалке и пешая прогулка до дома не утомили мое чертово либидо, которое опять разбередил дурной Сойкин.

Наверное, самым умным было бы попросить Корнилова не ставить нас в пару на занятиях по рукопашке, но тогда нужно это обосновать. А что я могу сказать? Что болтливый засранец вызывает у меня желание не просто опрокинуть его на спину в спарринге, а потом и содрать спортивные с обоих, насадиться и трахнуть без всяких прелюдий и церемоний?

Офигенно это меня характеризует, как психологически устойчивую.

Самое противное – Сойка же не единственный, чью вполне себе естественную физиологическую реакцию я вижу и чувствую на тренировках.

На самом деле орионовцы обоих полов уже вроде как заключили пакт о не обращении внимания на неизбежные реакции организма во время занятий. Ну это типа когда в зале пахнуть начинает, как от стада потных лошадей или у парней ширинку на спортивных оттопыривает, у девушек соски предательски в прохладе торчат начинают или кто воздух от напряжения испортит. Что тут уже, блин, сделаешь, все же живые. Поначалу, конечно, большинство краснели-бледнели и чуть не икали от смущения. Но притерлись. Это сказочные принцессы и принцы не какают, не пукают, не потеют и у них не бывает отрыжки или месячных, а среди нас таких не наблюдалось. И мне не только член Сойкина бывает в живот или поясницу упирается, но какого-то черта именно его дубину я вечно ощущаю так, словно мы уже кожа к коже, и все что нужно – прогнуться сильнее или обхватить его

ногами, открываясь шире, и все – полетели. И избавиться от навязчивой простоты собственного восприятия этого момента не выходило. Все, что тормозит – нам и дальше вместе работать. Нет, мне похрен, даже если растреплет другим орионовцам, мне там никто не друг, а мнение волнует только руководства. И то только в том плане, чтобы не сочли желанной личную жизнь устроить, а не работать.

Просто интуиция мне подсказывала, что одним разом все не обойдется. Да, болтовню слышала о том, что Сойкин тот еще бабоукладчик широкого профиля, со способностями к сверхбыстрой смене объекта приложения своего трубогиба, но мое чутье все равно выдавало тревожные оповещения. Трахнуть Сойкина – равно неприятности, вот что оно сигнализировало. Безнаказанно не обойдется. И что в нем такого-то, не пойму. Парень как парень, ну смазливый, не поспоришь. Крепыш с коротким ежиком светлых волос, по которым он частенько проводит ладонью, порождая эдакий легкий шуршащий звук, от которого и на моей ладони появляется какое-то щекотно-фантомное ощущение. Почти не сходящая с лица широченная улыбка, требующая от меня постоянных усилий по борьбе с желанием на нее ответить. И серые глаза со смешливыми лучиками-морщинками вокруг и взглядом, что поначалу кажется легкомысленно лукавым, но стоит продлить визуальный контакт, и взгляд этот наливается цепкой тяжестью, жаркой мужской жадой, искушающей испытать себя в способности ее выдержать. Чертов ходячий вы-

зов. Но по факту-то что в нем особенного, что меня цепляет и лишает столь необходимого для жизни холодного равновесия? Практически любому же из этих жеребцов орионовских предложи переспать и вряд ли получу отказ, но почему только о том, как это могло быть с Сойкиным, я так часто думаю?

– Женька, я ушел! – проорал из коридора Колька, и общая входная хлопнула, я же устала на свою кружку с чаем, пар над которой уже не поднимался.

– Зараза, – выдохнула досадливо и пошла обратно на кухню.

Но чайник по-новой ставить передумала. Вместо этого подошла к своему музыкальному центру и перебрал диски, выбрала «А-ha», поставила и погасила свет на здоровенной старей кухне. Сквозь большое стрельчатое окно без всяких занавесок в помещение заполз свет уличного фонаря, а из динамиков, которые сама развешивала по четырем углам кухни, полились первые аккорды «Crying in the rain», а потом волшебный вокал норвежского мага Мортена. Может, тут и уныло и неудобно, но акустика просто охрененная. Замерев посреди пустого пространства и прикрыв глаза, я вдохнула глубоко, вбирая магию музыки вместе с воздухом, подняла руки и отпустила себя.

Глава 3

Сойка

– Воронова, – кратко, но с чувством объявил выход на сцену моей цели последних двух месяцев Кот – Костян Котов, а я уже и так ее увидел.

Льдина шагнула с улицы, толкая двери, и на мгновение остановилась, вместе с моими сердцем и членом. В смысле сердце грохнуло и замерло, а член встал навтыжку, приветствуя ее, что тот солдат почетного караула царственную особу. Потому что хоть убейся, а так и есть – Евгения Воронова – единственная особа, правящая моим членом, пусть пока ей плевать, и она ни черта для этого не делает. Ходит, смотрит, дышит и еще на спаррингах меня по матам размазывает, причем не важно кто из нас сверху в тот момент. Плющит всегда меня, парадокс, сука.

Без шапки, зараза такая безбашенная, морозный декабрь так-то на дворе, черные-черные гладкие волосы как всегда собраны в тугую косу, но в первые секунды усыпаны белыми перьями снежинок, как роскошными невесомыми серебряными украшениями. Клянусь, когда у нас дойдет наконец до секса, я первым делом расплету эту ее долбанную косу

до самой задницы, потому что прям п*здец как хочу увидеть эти волосы свободными, до адского зуда в пальцах, которыми их загребу.

Высокий лоб, и эта извечная строгая складочка между бровями, из-за которой она на первый взгляд кажется старше. И так золотистой коже искусственное освещение в офисе придало еще больше сияния, а капли от уже растаявших снежинок искушающе сверкнули. Одна, самая наглая, скатилась на ее верхнюю четко очерченную от природы губу, и я услышал, как гулко сглотнул рядом Кот, явно испытывая то же самое сейчас, что и я. Отлезь, придурок, самому глазами лапать места мало! Резковатые очертания скул, чуть впалые щеки, изящная шея, к которой я хочу присосаться, что тот вампир, по-наркомански жадно напасаясь ее ароматом. Я уже знаю его отзвуки – яблоки, мята, что-то пряное и самое главное, беспощадно-возбуждающее – она сама.

– Доброе утро, Евгения! – опередил меня в приветствии кто-то из оперов, и остальные дружно его поддержали.

– Доброе утро, – сухо-льдисто, как всегда, ответила она, глянув безразлично на всех ярко-синими, отчетливо намекающими на азиатщину в корнях своим разрезом, глазами и прошла через холл, скрывшись в коридоре, сопровождаемая двумя десятками взглядов.

– Бля, хоть застрелите, но я не понимаю, че вы на нее ведетесь! – ляпнул Игорь Лапин, запуская один из уже тоже почти ритуальных процессов. – Тощая, как палка. Еще и длин-

ная, как жердь.

Традиционно у нас все поделены на три партии: такие, как я, кто жестко прётся от Вороны, те, кому она не заходит категорически и женатики, кому типа пофиг. Но, думаю, это чистая брехня. Ну вот предположим, что я женился, так к этому же слепота и ежеутренние дозы брома не прилагаются, так? Ну, и какие тогда варианты, что я хотя бы чисто гипотетически перестану член к любой красивой заднице прикидывать?

– Что бы ты понимал! – огрызнулся я. – У нее сиськи просто о*уенные!

Небольшие, как крепкие яблочки, вот прямо самый цимес, и так торчат дерзко под спортивным топом, что я за малым не спускаю, чисто глазами облизывая. И то, что ростом она всего сантиметров на пять ниже меня, тоже вставляет. И то, что мускулатура у нее вся проработанная, рельефная, у меня перекося крышу вызывает. Гибкая, что живая вода и сильная, верткая – хрен в захват возьмешь. И сама иногда так прикрутит на спарринге, что будь я чуть пожиже и просил бы через раз пощады у нее.

– Ага, Сойка у нас знает, о чем говорит, – ехидно заржал Витек Щавлев, – На каждой тренировке позволяет ей себя по матам повалить от души, пока втихаря сам щупает везде.

Смотри, глазастые какие придурки. Засекли, что я поддаюсь иногда, особенно когда поединок в партер переходит, искушая Воронову распластать меня как следует. От нее таким

жаром в эти моменты прет, так и чудится, что достаточно будет вывернуться из-под нее, подминая, и пойдет у нас совсем другая борьба. Хоть помечтать пока. Только, сука, от этих долбанных мечт сразу встать потом не вариант, потому что как раз стоит намертво.

– О*енные – это у Светки Мироновой, – мечтательно закатил глаза Лапин. – Такие прям... уххх! У меня реально фляга свистит, как ее в зале в маечке этой гребаной в полочку вижу.

– Да ладно, все в курсе, что свистит у тебя не фляга! – хохотнул Усов, – Но как по мне – и Светка – девка супер, и Воронова. Только Женька больно уж холодная. Как к такой подкатить, если как зыркнет – так оторопь берет.

– А вы и не подкатывайте, без вас есть кому, – посоветовал я, поглядывая в сторону коридора, где моя Лыдина скрылась.

– Ага, Сойку вон оторопь у нас не берет, у него наоборот колом встает, хромать начинает, – дальше грохнул дружный ржач, который тут же оборвался при появлении других девчонок из группы тельников и новых сменщиков.

– Евгения красивая, – со вздохом тихо сказал Кот. – А вы все дебилы.

Вот тут согласен по обоим пунктам. Она не просто красивая. Она нахрен лучшая. И я эту лучшую завалю. Задолбался я одноглазого душить, представляя как она подо мной кончает. А дебилы пусть все и дальше стебуются.

Дверь в офис резко распахнулась, и внутри ввалилось бобровое семейство. Оксанка – как всегда с широкой приветливой улыбкой, на которую просто не вариант не откликнуться своей, а братья Бобровы – с мрачными рожами, обшарили нас подозрительно-предупреждающими взглядами, отвечая на приветствие.

– Бля, вот они же и не скрываются даже, – ляпнул, как в лужу пернул, Ванька Пинштейн, и мы все на него уставились. – Что? Ну это разве норм, что они вдвоем одну бабу шпилят.

Пинштейн был у нас из новеньких и еще, походу, не проникся главным орионовским духом – у нас за спиной своих не обсуждают. Не, девчонок языками облапать – это святое дело, но если бы кто рискнул гадость какую сказать – огреб бы мигом и лучшим бы счел сразу бежать увольняться.

– Ванек, они эту женщину вдвоем любят до фейерверков в башке, а кто кого и как шпилит – ни хера не наше дело, пока все добровольно и подержать свечку не зовут, – выразил я общую мысль.

– Да я же... – тут же смешался парень. – Я не в том смысле... Просто... Ну бывает же, что любят, да, но девушка же выбирает кого-то одного...

– А если выбрать не вариант? – ухмыльнулся Усов. – Если выбрать – братьев разосрать между собой навсегда?

– Ну это же... Что же, поэтому она должна с обоими...?

– Ванька, кончай ты блеять. Прямо говори: тебя волнует

больше как им с ней вдвоем или как это ей с двумя? Если второе, то это, как минимум, странно, – не скрывая ехидства, сказал я не в меру любопытствующему, и все опять заржали.

– Да иди ты, Сойка! – огрызнулся парень и так запыливал ушами и щеками, что развеселил нас этим еще больше.

А у меня внезапно родилась мыслишка, не факт что гениальная, но мало ли, и я решил не откладывать ее в долгий ящик.

В дверь общей для всего начальства приемной постучал погромче и ломиться не стал, пока не услышал «Войдите», в мои планы выхватывать от Бобров сегодня не входит.

– Мужики, Оксана, привет еще раз! – махнул рукой, старательно игнорируя, как у девушки пылают зацелованные в затянувшемся прощании аж до вечера губы.

– Тебе чего? – не слишком дружелюбно спросил Лекс.

– Да я к Оксане с очень интимной просьбой, – таки не удержался я от того, чтобы не дернуть братьев за больное.

– Чего-о-о?! Ты пьяный или бессмертный, Сойка? – мигом набычился Александр.

– Не-е-е, я влюбленный просто, – ответил, оскалившись в улыбке, осознавая, что хорош, а то мне сейчас живо зубной ряд проредят и глаз бесстыжий на жопу натянут. – Оксан, а есть вариант как-то личное дело Евгении Вороновой почитать? Я же знаю, что Боев на всех у нас очень подробно все собирает.

– Миш, ну ты что, с ума что ли сошел? – возмутилась,

хоть и с ноткой сочувствия Боброва. – Что значит почитать? Тут же не библиотека, и личные дела – личные и есть и предназначены исключительно для внутреннего пользования руководством.

– Да понимаю я, Оксан. Ну, а если одним глазком, а? С меня магарыч.

– Сойка, если девушка говорит нет, то это не всегда значит «может быть». Отвали, – фыркнул Лекс.

– Миш, ну что ты рассчитываешь найти в личном деле-то? Там же только общая информация, как это тебе помогло бы, даже согласишься я, чему не бывать.

Ага, как же, общая. Слыхал я о том, что в делах этих новых тельников, которых лично Корнилов отбирал, есть еще и его подробный психологический отчет или типа того.

– Ну мало ли... – пожал я плечами и сделал максимально несчастное лицо. – Значит, категорически нет?

Непруха, конечно. Всегда, когда касается Вороновой только одна она и есть. В кино на премьеры звал – только головой качала. С ресторанами, выставками, театром – такая же петрушка. Хотя с двумя последними и слава те хосподи, ходил бы там дурак-дураком.

Пиццу-бутеры-пироженки из кафе таскал, угощал чтобы типа заобщаться под чаек-кофеек – все трескают и болтают, а она одна в кухню офисную зайдет, глянет, яблоко из холодильника возьмет и уходит.

Припер с дачи целый мешок гребаных яблок – народ

как чайки налетели расхватывать, а она хоть бы одно взяла.

В поход агитировал народ в выходные специально громогласно и даже со списком ходил, кто не против писал, как олень какой-то общественно-озабоченный, а Ворона опять головой качнула и «я не поклонница загородного отдыха» ответила, ну и у меня весь пыл пропал. Нахера оно мне, если не работает?

Ладно, херня-война, главное маневры – организовал движняк с выходом кучи парней и всех девчонок-тельников в парк с последующими посиделками в кафе. Не любишь лес – вот тебе досуг культурный городского типа. Общий же коллектив, и не грех бы поближе перезнакомиться. Чисто общение, никакого интим-криминала для начала. Все-все пошли и только Лыдина – нет. Другие планы. Даже подорвало тогда слегка и спросил не свидание ли? В ответ – «я не склонна делиться подробностями личной жизни». Нормально, а? Я ведь седалищем чую – ну нет у нее мужика, нет! Потому что... бля, да что за похеристом нужно тогда быть, чтобы такую, как она, отпустить работать в наш заповедник непуганых членоносцев, где на нее готов драть каждый второй. Короче, нет там никакой личной жизни, по крайней мере, такого ее вида, которая для меня что та стена будет. Тогда что?

Ведь у любого человека должно быть что-то. Книжки, кино, гребаное вязание салфеток крючком, разведение рыбок или сраных какусов, бег трусцой, шоппинг, битье гопников, выпечка, фехтование, диггерство... ну хоть что-то! Я же се-

бе уши размером с ведра отрастил, слушая болтовню других девчонок между собой. Ни одну тему моя Льдина не поддержала. Ни разу, сука! Ни малейшего интереса, ни попытки пообщаться поближе хоть с кем-то. Ни-че-го. Чем ее зацепить? Где та самая уязвимая точка, через которую наше соприкосновение наконец перерастет из исключительно молчаливого сопения на спаррингах уже в танго горизонтальное совсем не рабоче-прикладного типа?

– Вот ты тугой! – явно потеряв терпение, закатил глаза Александр.

– Нет, Миша, – обломала мои надежды на корню жестокая женщина Боброва. – Ну подумай, вот сам бы ты как отнесся к тому, что кто-то бы в твоём личном деле с нерабочим интересом копался?

Если бы узнал, что это моя Льдина таким занялась – охренел бы от радости.

– Ладно. Простите все за беспокойство, – повернул я на выход, пока, и правда, не выпинали отсюда.

– Ми-и-и-ш! – окликнула тихо Оксана, когда дверь уже открыл. – Ты же в курсе, что у нас новогодний корпоратив послезавтра?

– Угу. Предлагаешь испытать удачу там?

Учитывая, как все идет до сих пор – без вариантов.

– Нет. Просто поделюсь тем, что секретом не является. Евгения туда не пойдет. Она сама вызвалась подменить нашего офисного дежурного на этот вечер.

– А-а-а-га-а-а, – протянул я, расплываясь в дурацкой улыбке. – Оксана, я тебя прямо люблю, знаешь?

– Я тебя сейчас так отлюблю, Сойка! – рявкнул Лекс, но я уже закрыл дверь с обратной стороны и ломанулся на улицу из офиса – перехватывать начальство на подлете и желательно без свидетелей.

Глава 4

Ворона

– Слышь, мужики, а всех посмотреть можно будет? – услышала я незнакомый мужской голос, подойдя к немного приоткрытой двери кабинета Корнилова.

Покосилась на Оксану, и она скорчила гримасу, будто ее тошнит и прошептала:

– Мерзкий тип.

– Господин Некрасов, напоминаю: здесь не бордель, а охранный агентствo, – сухо и холодно ответил ему шеф. – И вы нанимаете именно личного телохранителя для разового сопровождения, а не выбираете девушку по вызову. Если у нас какое-то недопонимание в этом вопросе, то давайте разберемся во всем сейчас, и у вас еще будет время получить именно те услуги, за которые готовы платить. Но не у нас в «Орионе».

– Да не, ну ты че, мужик, я же не тупорез какой и все понял, в натуре! У вас тут эти... солдаты Джейн типа, а не путаны безотказные. Чисто профи, не прощмандовки какие-то. Но и ты меня пойми, мужик. Я же приехал на сходняк... то есть... ну типа собираюшку одноклассников, понимаешь?

И мне надо, чтобы все прямо оху... в ауте были. Поняли, что я не лох какой-то вчерашний и нищеврод, а прямостоячий реальный пацан! И типа у меня бабок, что блох на Барбоске, и могу их на любую блажь кидать. Сечешь?

– Я прекрасно понял с первого раза, что ваша цель не столько обеспечить свою безопасность на мероприятии, а по большей части обозначить свой финансовый статус для других участников этой встречи.

– Че? – явно подзавис на пару секунд мой будущий объект охраны. – А, да, точняк! Финансовый, такой, что прямо пиз... ого-го я какой и могу себе позволить красивую телку в водилах и тельниках держать. Оно же понятно, что для охраны это беспонту и сразу все всосут, что, мол, бабла видать столько, что девать неку...

– Господин Некрасов, наши личные охранники в высшей степени профессиональны и максимально эффективны безотносительно их половой принадлежности, – без малейшего раздражения, но очень твердо поправил Корнилов.

– Чего?

С трудом удалось удержаться от гримасы. А объект намечается у меня прямо вершина эволюции тупизма, похоже, но тут же и одернула себя. Нельзя так позволять себе относиться к нему, каким бы ни был, иначе лучше сходу отказаться от работы с ним.

– Девушка, которой мы поручим выполнение данного задания, ничем не уступает мужчинам-телохранителям,

а некоторых даже превосходит, – терпеливо пояснил Михаил Константинович и уточнил. – Некоторых у нас в «Орионе», а в других агентствах – большинство, могу ручаться.

– По серьезке? Зуб даешь?

– Легко. В случае с Вороновой моим зубам точно ничто не угрожает.

Приятно такое услышать от босса о себе, но стоять тут и дальше уже как-то неуместно.

– Ну, оху... круто тогда. А она смазливая?

– Господин Некрасов... – неумолимо ровным тоном начал шеф.

– Не-не, я без всяких там мыслей... В том смысле, ништяково, что она вся из себя спецназовка, но мне надо чтобы еще и такая, что все глянули и оху... сердце вставало и все остальное. Ну, это же не в кассу будет, если она страшная. Надо, чтобы пацаны остальные прямо на слюну изошли на нее, а она только мне там дверь открывает, смотрит эдак... ну типа «чем тебе угодить, хозяин» и хвостом ходит, глаз не отводя.

– Возможно, вам все-таки стоит обратиться в агентство по обычному эскورتу?

Я чуть толкнула дверь, давая Корнилову увидеть, что хочу войти, но он пока медлил.

– Да ну-у-у... Этих же шалав оттуда сразу видно. Кто наскреб бабосов – тот и снял. А мне надо, чтобы все охренели с того, какой я солидный, аж трандец, и реально богатый

перец.

– Тогда давайте договоримся, что вы предоставите нашей девушке работать так, как необходимо, и на этом закончим препирательства?

– Ну ладно. Так чего там, смазливая хоть?

– Евгения, входите, – велел наконец шеф, и посетитель резко обернулся ко мне. – Судить вам.

– А... о... – Некрасов вскочил, давась словами и не в силах сформулировать нечто связное, его лицо пошло пятнами, а глаза забегали. – Присаживайтесь!

С первого взгляда стало понятно на кой черт этому типу понадобилось обратиться в «Орион». Субъект отчаянно пытающийся закосить под эдакого прибрандиченого нового русского со всеми полагающимися атрибутами в виде малинового пиджака, цветастой уродливой рубашки с расстегнутыми верхними пуговицами, чтобы выдать было толстую золотую цепь с крестом. Явно зоновской работы четки и массивные перстни. Только на нем все это выглядело нелепо и как-то инородно. И пиджак мешком, и четки теребит нервно, а не вальяжно, да и все движения, мимика выдают отчаянно пытающегося придать себе несуществующей уверенности человека. Предполагаю с большой вероятностью, что в школьные времена он был тем самым ботаном, которого постоянно чморили, макая в унитаз, и он желает годы спустя утереть нос своим обидчикам, козырнув финансовой состоятельностью и обретенной брутальностью, но не факт, что выйдет.

Вот меня бы он ни за что не убедил.

Некрасов суетливо пододвинул мне свой стул, но я качнула головой, оставшись стоять.

– Здравствуйте. Нам лучше сразу привыкать к рабочему взаимодействию. Согласно сценарию по осуществлении вашей охраны это я буду передвигаться и стоять за вашей спиной в помещении, проводя мониторинг на предмет возможной угрозы.

– Офигенно! – пробормотал мужик и сверкнул радостно глазами на Корнилова, будто поверить еще не мог в свою удачу. – А это... в платье такое... ну чтобы в обличку и плечи со спиной голые можно надеть? Я плачу!

– Господин Некрасов, и снова напоминаю вам, что сейчас декабрь, и мы не агентство, в котором вы можете нанять и экипировать спутницу на свой вкус, – Михаил Константинович – кремень.

– Ладно-ладно, я не тормоз же совсем в натуре. Ну хоть, очки ей такие зеркальные, типа авиаторы, кобуру на виду и губы намазюкать ярко-красным – вариант?

Зеркальные очки? На вечернее мероприятие? Зимой? Да... уж...

– Евгения, в этих моментах вам решать, – обратился ко мне Корнилов.

– Не думаю, что очки и яркий макияж станут для меня помехой в работе, – безразлично пожала плечами.

– О, ну ништяк-ништяк. Че, давайте подмахну ваши пи-

сульки тогда, – обрадовался бывший мальчик для битья.

Он еще минут десять трещал, громко и ненатурально корча из себя развязного мачо, но наконец свалил, дважды напомнив, что в шесть вечера заедет за мной в наш офис, и утонул в бухгалтерию. Корнилов же указал мне взглядом на стул перед своим столом.

– Евгения, вы чувствуете в себе уверенность выполнить это задание? – спросил, дождавшись, пока сяду.

– Да, Михаил Константинович.

– В чем-то усматриваете возможные трудности?

– Да. Если объект переберет с алкоголем на мероприятии и решит проявить агрессию на фоне явно имевших место старых обид и придется нейтрализовать его самого во избежании получения травм.

– Согласен, такое развитие событий считаю вероятным, – деловито кивнул Корнилов. – Нужна подстраховка?

– Нет. Я не намерена доводить подобную ситуацию до реально опасного уровня. Главное, чтобы объект потом не пришел в «Орион» с претензиями, что его веселье оборвали в разгаре, и он рассчитывал, что я по его указанию обидчикам школьным навалить должна.

– Вы же знаете, Евгения, о таком переживать не стоит. Мы своих всегда прикроем, а к рассмотрению принимаем только сколько-нибудь обоснованные претензии. Еще что-то?

– Да. Но это не относительно данного задания.

– Слушаю.

– Я бы хотела впредь не попадать на тренировках в пару с Михаилом Сойкиным.

– Причина?

– Сугубо личная.

Корнилов очень внимательно, прямо-таки въедливо посмотрел на меня, заставив таки поменять позу, откинувшись на спинку и выдав нервозность.

– Раз уж вы подняли эту тему, то могу я говорить прямо, Евгения? – я кивнула. – Я обратил внимание, что между вами и Сойкиным есть некое не рабочее напряжение. Обоюдное.

Надо же, заметил. А я думала, что идеально это удастся скрывать.

– А так же, я уверен, что данное напряжение не сказывается негативно, а наоборот работает в качестве эволюционного фактора в вашем самосовершенствовании как личного охранника. Тренирует вашу устойчивость к любым вторжениям в личное и способность управлять собственными эмоциями, трезво решая позволить ли его и до какой степени. Но если вы считаете, что вам это не нужно или происходит нечто чересчур...

– Нет, ничего чрезмерного. Просто мне казалось, что личное отвлекает.

– Безусловно. Мы ведь не набрали роботов, вы все живые люди, и у вас всегда будет нечто личное и отвлекающее.

– Ок, я поняла, Михаил Константинович. Снимаю свою

просьбу.

– Хорошо, Евгения. Тем более, что вам есть что почерпнуть, как рукопашнику исключительно спортсмену от носителя более... хм... упрощенного и близкого к уличному стилю. Как и ему от вас поучиться хорошей технике.

– Ладно. Я поняла. Могу идти?

– Еще одну минуту и замечание, которое вы имеете полное право проигнорировать. Евгения, думаю, нет особого смысла говорить вам, что внутренние и внешние запреты чаще всего и являются источником копящегося напряжения для людей, не так ли? – я опять кивнула. – Не считите меня беспардонной сводней, боже упаси, но напомним вам, что в «Орионе» нет никакого запрета на личные взаимодействия между работниками. В разумных пределах, само собой, и до того момента, когда это не способно стать причиной конфликта.

Это, блин, что? Мой шеф советует мне без прикрас трахнуть Сойкина и тем самым избавиться от того самого зуда запретного плода? Или намекает, что мне в принципе неплохо бы позволить себе оттяг, а то на лбу надпись «баба неудовлетворенная» проступать начинает?

Годовалой почти продолжительности отношения с Павлом завершились со скандалом через неделю после начала еще моего обучения в «Орионе». Стоило ему узнать именно о составе коллектива, не особенно даже интересуясь будущей спецификой моей деятельности, и он категорически

потребовал моего отказа от трудоустройства в «рассадник голодных кобелей».

– Это позор какой-то, а не работа для порядочной девушки. Забудь и думать об «Орионе»!

Смешно. Девушек, что, залив слегка глаза для меньшей взыскательности, снимают мужиков в барах исключительно для удовлетворения физиологических потребностей организма обычно порядочными не называют. И что-то его моя прежняя пахота в качестве уборщицы совершенно не беспокоила.

– Послушай, у нас не те отношения, чтобы ты мог что-то требовать. Напоминаю: ты сам женат, и мы встречаемся один-два раза в неделю исключительно ради секса.

– Ах вот в чем дело! – взвился Павел. – Я так и думал, что это начнется рано или поздно! Вы, бабы не можете без этого.

Уточнить – без чего конкретно – я тогда не успела, оглушенная многозначительным хлопком двери за ушедшим. Звонить или писать не пыталась. А шесть дней спустя обнаружила любовника на лестничной площадке под своей дверью в компании с большим чемоданом.

– Жень, я все обдумал, объяснился с женой и пришел к тебе насовсем, – заявил Павел, потянувшись обнять меня.

– Зачем? – удивилась, отступая от него.

– Ну не злись, Жень, я же все понимаю. Я год тянул, и это было некрасиво по отношению и к тебе, и к Асе. И ты молодец, что дала мне четко понять все этим своим «Орионом».

Угрызений совести за то, что спала с чужим мужем, не испытывала. Я никакими обязательствами не связана, ни на что не претендовала, так что моральные аспекты этого не ко мне. Познакомились когда-то в баре, свое семейное положение Павел не афишировал, я – не интересовалась, потому что планов на его счет не имела, так что плевать.

– Паш, я хочу работать в «Орионе» потому что действительно этого хочу, никак с тобой данный факт не связан и ни от каких действий твоих не изменится. И совместную жизнь с тобой я не планирую.

Вслед за этим последовала безобразная сцена, с истерическими обвинениями меня в разрушении его привычной жизни и почему-то в меркантильности. В конце он даже попытался меня ударить. Естественно очутился лежащим на щербатом кафельном полу лестничной площадки, где я его и оставила, уйдя в квартиру. С того момента Павел больше не звонил и не появлялся.

Трижды после этого я выходила в бар с целью одноразового знакомства, но черт знает почему ничего не срасталось даже на одну ночь, хотя подходящих вариантов хватало. Неужто дело как раз в том, о чем и сказал Корнилов? В том, что мой внутренний запрет в отношении Сойкина работает как запрет всего в принципе и ведет к накоплению напряжения и раздражения? Ну почему на Сойке-то сошлось? Я же не романтическая малолетка, чтобы верить в возможность внезапной влюбленности с первого взгляда или с десятого,

да хоть с сотого. Я вообще не влюблялась в этой жизни, натура не та. Тогда откуда этот конфликт животной тяги, реализовать которую проще простого с... чем? С пониманием того, что для Сойкина это тоже исключительно сексом и будет? Ну так того и надо, казалось бы. Тогда почему стоп? Ладно, об этом я подумаю после задания.

– Могу я идти, Михаил Константинович? – спросила, стряхнув задумчивость.

– Да, конечно. Удачи, Евгения. Я и все остальное руководство, и опер-группа всегда на связи для вас, если что.

Глава 5

Сойка

– Охренеть можно!

– Ух тыж!

– Вот это да-а-а!

Дружный возглас-выдох от мужиков из опер-группы заставил меня крутануться на месте, находя взглядом недавно отправившуюся экипироваться на задание Ворону.

Лизку, без пяти минут уже Лебедеву, начальство напрямло-упросило заняться формированием служебного гардероба для наших девчонок на момент заданий, и она, хоть и повозмущалась отстранением от оперативной работы, но развернулась будь здоров. Отжала решительно кусок подвала в офисе, который раньше использовали в качестве кладовки для всякого хлама, припахала нас его освободить, а потом и ремонт косметический сбавать. После туда наперли кучу тряпок, тканей в рулонах, зеркала, пару швейных машин, коробок всяко-разных, а после коварно объявили это запретной для мужиков зоной. Вот, че за несправедливая херня, а? Как помогать – мальчишки, пожалуйста, а как посмотреть потом – хрен вам по всей морде.

Вот из этой самой запретной зоны и вышла Евгения, произведя сногсшибательный эффект на всех как бы невзначай отирающихся около спортзала, включая меня. Реально уронил челюсть и похоже пора утереть слюни, пока совсем не опозорился.

Лизка обрядила Лыдину в строгий, на первый взгляд, брючный костюм и поставила на каблуки. Темно-графитовый, застегнутый на все пуговицы пиджак, свободные вроде бы брюки, серебристо-серая рубашка и даже галстук под самое горло. Казалось бы, ничего менее сексуального и придумать невозможно, но...

Сука-а-а, я сдохну! Вот, прямо с места не сходя скончаюсь или, бля, обкончаюсь у всех на глазах! Зараза Ерохина, нахрена ты мою занозу-Лыдину в гранату осколочную, мозги взрывающую, превратила?

Хрен знает, из чего этот гребаный костюм был сшит, но на каждом шагу трепетал и облизывал формы Лыдины так, будто кайфовал от контакта с ее кожей. Еще бы не кайфовал, тряпичный скот, ведь тереться о Воронову во всех тех местах, облапать и натирать которые мечтал я, и не тащиться – невозможно, даже если ты долбаный неодушевленный предмет!

Всегда бледные губы сейчас выжигали на моей радужке ярко-красное сочное клеймо, что хрен когда сотрется и оттуда и из моей памяти. Новой дровичильной фантазией с этими алыми губами в главной роли я сто процентов на ближайшие

недели обеспечен.

Я и так-то всегда тащился от походки Лыдины, но сейчас это завораживающее покачивание бедрами на каждом шагу сделало меня совершенно одуревшим от похоти болваном, что только и мог, что торчать столбом и таращиться, как она приближается. Наплывает, как чертова лавина на оцепеневшего незадачливого туриста. А ты стоишь такой с распахнутой пастью, осознавая, что тебе п*здец придет через считанные секунды, но при этом дух перехватило от охерительного великолепия стихии, что тебя вот-вот угробит.

Лыдина поравнялась со мной, наши взгляды встретились, и мне как под дых ногой кто двинул, от души так. Легкие свело, горло перехватило, язык во рту как суперклеем прифигачен, зато член только что не в голос на весь офис завопил «Да-а-ай!»

Евгения мимо прошла, а я так и остался столбом торчать и таращиться, теперь ей вслед. Я должен ее трахнуть. Нет, не так. Я, нахер, жить не буду, если ее не трахну. Если не стану это делать с регулярной, бля, периодичностью... ну хотя бы раз в час поначалу.

– Евгения, вы потрясающе выглядите! – прорвался в мое внутреннее царство беснующейся похоти голос Сашки Никитина, и верхняя губа задралась сама собой, как у злобнучей псины, чью сахарную кость облапал другой кобель завидущими зенками. Потому что мне-то известно, что в своей черепушке он ее уже жрет-жрет-жрет, давясь от жадности

и брызгая голодной слюной, урод похотливый!

Пошел ты на хрен! Все пошли! Мое это! Ломанулся по коридору, в котором, оказывается, уже один и остался и взлетел по лестнице, догоняя Воронову и собираясь в конце концов вопрос ребром поставить и срать мне на свидетелей моего возможного позора. Хожу уже сколько недель кругами, долбодятла кусок, типа почву, мать ее раз так, для обязательно безотказного финального приема создаю, а может, и не надо это ни черта. Может, Лыдина у меня из тех девушек, которым все в лоб надо. Херакс! – хочу тебя и точка, решай – к тебе или ко мне, и раздеваться давай прям с порога.

Но, вылетев в холл офиса, я застал картинку того, как какой-то дрыщеватый чмошник в красном пиджаке трясущимися ручонками пытается всучить моей Вороне громадный букетище пошлейше-красных роз и что-то там блеет. И прежде чем я успел протолкнуться сквозь строй наших оперативников, за этим паскудством наблюдающих молча какого-то хера, и раззявить пасть, дабы высказаться по этому вопросу и расслышать чего он там задвигает уже почти моей девушке, как Евгения его сама подхватила под локоток и споро так потопала на выход, уводя за собой.

– Это...Бл*дь... Что?! – рывкнул, как только за ними дверь стеклянная закрылась.

– Ага, видал придурка, – поддержал меня Усов. – Это же надо было с букетом припереться за Вороной. Вот ей куда он упирался-то сейчас? Только выбрасывать.

Да пох*й мне на все букеты мира, что это за чмырь? Он кто Вороне? Неужели вот через такое вот одоробло у меня до сих пор ничего и не срослось с ней? Серьезно?

– Да, бля, как это вообще?! – прорвало меня. – По какому признаку она его выбирала? Как самого стремного из всех возможных? Бабок немеряно типа? Или хер по колено и бес-смертный?

Закончив свою пламенную речь я понял, что на меня устались в изумлении все наши.

– Сойка, ты о чем? – высказал общую витающую в воздухе мысль Никитин. – Воронову же Корнилов на это задание поставил, кого она выбирать-то могла?

– А... – тупо я уставился на всех. Задание. Воронова на задание пошла. Не свидание, неврубант ты долбаный, с мозгами и памятью стояком отшибленными напрочь. Ее же Лизка для того и рядила. Но тогда какого хера этот со своим веником?

– Да я в курсе, что на задание она, – мигом постарался сделать рожу кирпичом. – Но какого одна-то, без подстраховки?

– Да там же фигня какая-то я слышал. Всего-то сопровождение на несколько часов, – пожал плечами Усов.

– И что? Вон Ерохина у нас так сходила в ресторан, потом опергруппой забирали, – привел я довод и рванул к своему шкафчику за курткой.

– Ну начальству же виднее, наверное, нужна ей подстра-

ховка или нет, – крикнул мне вслед Сашка.

– А начальство это видело, что объект охраны за Вороной с букетом подкатил? – огрызнулся я. – Ясно же, что этот упырь на нее стойку сделал, а это значит, что сто пудов лезть начнет.

– Да Ворона его ровным слоем по стенке за такое размажет! – заржали мужики.

– А пока размазывать будет, кто саму Ворону, вдруг чего, прикроет?

– Ой, да вали уже, Сойка! – махнул на меня рукой Усов. – Типа тут кому-то непонятно, чем тебя так в задницу жалит. Езжай, прикрой нашу совсем-совсем беззащитную девочку Женю, а мы тебя прикроем перед начальством.

– Спасибо, мужики! – проорал я, уже выбегая в двери. – Должен буду!

– Ох, зря-я-а-а! – протянул кто-то сквозь смех. – Вороне сойка не пара ведь, не той породы.

Да идите вы все! Клал я на породные различия и несоответствия! Там заточим, тут притрем, где-то воткнем поглубже, а местами пригладим понежнее – и все пойдет, как помаслу. Точнее войдет.

Глава 6

Ворона

– Эх, тебя во что ни наряди – все будет супер смотреться, – вздохнула, пройдясь по мне придирчивым взглядом перед выходом Ерохина.

– Подлецу все к лицу? – усмехнулась я нашим отражениям в зеркале. – Тебе-то тоже грех на что-то жаловаться.

– Ой, ну скажешь тоже! – махнула девушка рукой. – Нашла подлую особь тоже мне.

Ты меня не знаешь. Не знаешь, какая я и что сделала.

– И я не то чтобы жалуюсь, но временами так эти сиськи мешают. – покачала Ерохина упомянутой частью тела так, что наверняка какого-нибудь слабонервного самца инфаркт бы долбанул с преждевременной эякуляцией вкуче.

– Уверена – большинство мужчин, включая твоего будущего мужа, с этим не согласятся, – позволила я себе намек на улыбку.

– Ну, еще бы их мнение в этом вопросе кто спрашивал, типа ответ неизвестен, – рассмеялась Лиза. Смех у нее такой... хороший. Не режет слух никаким лицемерием. – Просто мне вечно нравится одежда, что не подразумевает ношение лиф-

чика, и с твоей грудью такое смотрится супер элегантно, а с моей – уже вульгарно.

– Можешь утешить себя тем, что годы уравниют все. С возрастом кто угодно начинает смотреться вульгарно в чересчур откровенных нарядах.

– Да-а-а у-у-ужжж, утешила, – протянула Ерохина,глянув с легким упреком, и в этот момент затрещала лежащая на столе рация.

– Объект прибыл, – доложил кто-то из дежурных, чьего голоса было не опознать в потрескивании динамика.

– Все, удачи тебе, Воронова! – оживилась Лиза, и я, прихватив куртку, пошла на выход.

Естественно, он торчал там, в коридоре. Не один, конечно, но я с раздраженной обреченностью отметила собственную реакцию. Сначала я увидела Сойкина, и меня навывлет пропороло его остро-жгучим взглядом и только с миллисекундным опозданием заметила присутствие других орионовских парней. Прав все же Корнилов в своем диагнозе, ой как, прав. И надо с этим что-то делать. Тем более, что из всех проблем – побороть это упрямо протестующее против примитивности будущего взаимодействия нечто и определить для самого события подходящие время и место. Проходя мимо откровенно жрущего меня глазами Сойкина, я подумала как просто сейчас было бы остановиться, упереться ему в грудь ладонью, толкая к стене и второй рукой обхватить его внизу, наверняка находя твердым. И все, уверена, боль-

ше знаков этому парню не потребуется, понятливый и загорается быстро, проверено.

Ты уже на работе, Воронова, напомнила себе, так и не притормозив и не сделав элементарной вещи – не сообщила Сойкину где и когда все будет. Ладно, пусть пока еще поработает над планами моего соблазнения.

Даже не столько букет в руках Некрасова, а его изменившийся и затуманенный алкоголем взгляд сообщил мне о том, что меня ждут определенные осложнения в процессе работы. И предчувствия меня не обманули.

– Господин Некрасов, цветы совершенно неуместны и являются помехой, – сообщила объекту, как только мы вышли из офиса. Моя цель его информировать, не нанести обиду, а сказать такое в присутствии толпы других мужиков именно как попытка задеть и может быть истолкована нетрезвым мозгом. – Возможно, вам стоит его вручить кому-то из своих одноклассниц или преподавателей, если они будут присутствовать на мероприятии.

– Ты это... в машину-то садись, – мигом насупился Некрасов, шагнув вперед и открыв заднюю дверь, опять нарушая все договоренности.

– Мое место за рулем, – сухо напомнила я.

– Ну так это... я передумал... Мои же бабки... – пошатнулся он, попытавшись подпихнуть меня в нужном ему направлении, но потерпев фиаско. Я самую малость отшагнула, и его рука соскользнула.

– Тогда нам, наверное, нужно сейчас связаться с моим руководством и информировать об изменениях и возможно расторгнуть договор до того, как я приступила к исполнению обязанностей в его рамках.

– Да че ты сразу-то! – возмутился объект, но сразу и сдался. – Западло что ли со мной сзади прокатиться? Ладно, Филька, вылазь, пересядь ты назад, я впереди поеду.

– Нарушение правил, – сообщила я, но дальше препираться перед офисом не стала. Забавлять всю опергруппу отказом исполнения от второго задания, даже не начав, нет желания.

Водитель понятливо принял из моих рук букет и уселся с ним сзади.

– Это... Женюль, побазарить бы нам. – начал ожидаемо объект, стоило только мне вырулить на проспект.

– Евгения, пожалуйста, господин Некрасов, – поправила его я, следя и за дорогой и за его рукой, что он явно хотел ляпнуть на мое колено, но видимо не решался сходу.

– Да че ты вся из себя серьезная-то такая? Типа при исполнении, да? – зафыркал он с нарочитой веселостью, обдавая меня спиртовыми парами.

– Так и есть.

– Ну ясно-ясно. Seriously относишься к работе, да? – Некрасов подался ко мне, выдохнув почти в ухо, и мне стоило реального труда не поморщиться. – А это... заработать реально мимо вашей кассы хочешь? Я хорошо забашляю,

клянусь!

– Господин Некрасов... – начала я, мысленно обращаясь к примеру невозмутимости в образе Михаила Константиновича.

– Э-э-э, ну хорош, а! Толян я! Давай типа забудем про эти охранные штучки-дрючки, и ты будешь сегодня девушка моя. Не эскорт, не подумай чего, а прямо по серьезке девушка, невеста прям типа... пусть эти доброе... дебилы умоются!

– Вами были четко оговорены все мои действия с Михаилом Константиновичем, – я резко свернула к обочине и затормозила. – Если вас данный сценарий больше не устраивает, и вы желаете чего-то другого, то я выйду прямо сейчас.

– Обязательно быть такой сучкой? – рывкнул Некрасов, отворачиваясь. – Ехай дальше давай, уплочено за все!

Я не стала и плечами даже пожимать и тронулась. Объект же зло сопел всю оставшуюся дорогу, демонстративно не глядя на меня.

– Дверь мне открой, как положено! – зарычал он, хотя я и так уже открыла свою для этого. Обиженный пьяненький мужик – то еще паскудство, мигом обнажающее свое настоящее нутро, но я на работе не для того, чтобы давать оценки.

– Чтобы весь вечер за спиной стояла и бдела, ясно? – продолжил бенефис обиженки Некрасов. – Иначе завтра твоему начальству выкачу предъяву!

На мгновенье я позволила себе представить момент выката претензий этого мужского недоразумения Корнилову

или вообще Камневу, но пресекла на корню крамольную фантазию или рисковала заржать непристойно.

Мы поднялись на щербатое школьное крыльцо и вошли в распахнутые настежь, невзирая на конец декабря, двери, миновали растянутые под потолком похоже самодельные гирлянды «Пятнадцать лет спустя» и «Привет выпуск восьмьдесят четыре» и тому подобное, долго шли по коридору на грохот музыки, пока не достигли актового зала с кучей народа и накрытыми столами с кулинарными изысками явно производства ближайшего кафе или вовсе школьной же столовки.

Бывшие школяры уже все были заметно навеселе, видимо, с час как начали набираться после обычной официальной части. Некрасова заметили и узнали далеко не сразу. А когда узнали, то, как я и ожидала, среагировали самые вдатые отнюдь не восхищением. Однако объект гордо сделал морду кирпичом и прикинулся, что вопли «О, Сява приперся!» и «Сява-то как вырядился!» вообще не в его адрес раздались.

– Стой тут! – велел мне дополнительно он, выбрав свободный стул с презрительным видом особы королевской крови, достойной не менее, чем трона, и приветствовал всех через губу, как если бы снизошел до черни, и вокруг зашептались, плясь на меня.

– Ой, Толик, а ты это с кем? – наконец решила поинтересоваться ярко накрашенная очень миловидная женщина.

Могу поспорить – бывшая звезда класса или бы Некрасов не раздулся так сходу.

– А я, Настюх, теперь исключительно только с охраной везде хожу, прикинь! – важно ответил объект.

– Ну, охеренная охрана – телка смазливая! – хохотнул какой-то бугай с уголовной рожей и наколками на пальцах. – Она того, твоего Ваньку-встаньку вялого видать охраняет, шоб не падал совсем уж?

Его поддержала глумливым хохотом и подобными же высказываниями с нарастающим градусом скабрёзности еще несколько типов, откровенно смахивающих на быдло-гопников, классифицированных мною как бывшие школьные хулиганы, а также потенциально опасные индивидуумы, которые, еще набравшись, наверняка попробуют проверить степень моей квалификации.

– По себе меня не равняй, Миронов! Серьезные люди, как я, работают, а не копейки на заводе на пивас зашибают, потому и сотрудничают чисто только с самыми крутыми охранными агентствами для своей охраны. И отдыхать предпочитают культурно и с размахом, в обществе офигенских женщин, а не как вы тупо дешевых шалав по баням шупают! – огрызнулся Некрасов и намахнул поднесенную той самой бывшей первой красавицей штрафную, глянув на нее со значением.

В ответ пошел матерный ропот, даже вскочил кто-то, но соседи его уgomонили, однако из того угла отчаянно стало

фонить злостью. Ну вот и зачем? Ясное дело, что это появление с охраной ради вот этого момента типа триумфа и было, но откровенно так нарываться, зная, что не тебе вдруг чего разгребать, гаденько все же.

– Ой, да не слушай ты этих неудачников, Толик! – зыркнула на компанию Настя, опять подливая. – Расскажи лучше – где ты сейчас и чем занимаешься.

Экс-звезда решительно подсела к Некрасову, оттеснив еще парочку резко заинтересовавшихся им женских особей и явно этим вызвав еще большее раздражение Миронова, как его окликнули, Игоряна. Начала что-то щебетать, помахивая ресницами, заливисто хохоча к месту и не очень и периодически шепча на ухо что-то ему, стреляя косыми взглядами на меня, как и многие другие за столом.

Группа бывших хулиганов так же сплотила ряды, то и дело с их края стола доносился глумливый ржач и малоцензурные замечания в наш с объектом адрес. Но я не вслушивалась в разговоры, отфильтровывая только общий эмоциональный фон и выцеживая из него возможные угрозы. В какой-то момент не на шутку напряглась, потому как могла поклясться, что гопники-однокашники своими пьяными мозгами дошли до необходимости сделать какую-то пакость, уж больно рожи и взгляды у них стали говорящие. Я принялась уже внутренне готовиться к обороне или же к необходимости срочно эвакуировать изрядно набравшийся и разошедшийся в хвастовстве объект, прикидывая насколько его вероятное сопротив-

ление будет помехой.

Хулиганье не первой свежести, зловеще ухмыляясь, вместе покинуло зал, наверняка решив приступить к действию, и я прямо ждала вызова Некрасова на «побазарить», однако, оказалось, что ушли они с концами, за стол не вернулись. Зато меня, видимо, от общего шума, паров алкоголя и напряжения посетил глюк. В очередной раз оглянувшись в сторону коридора на пробившиеся сквозь общий шум невнятные восклицания, я вздрогнула, потому что мне почудился застывший в дверях Сойкин, который тут же и шагнул обратно в полутьну. Я даже подошла на несколько шагов, пытаюсь рассмотреть, но в зал как раз вернулось несколько женщин, и никакого Сойкина с ними не было. В конец захмелевший объект обернулся и рывкнул на меня по-барски, требуя встать на место, а вдавшая тоже от души Настя ему смело поддакнула, ощутив власть повелевать типа прислужгой.

Сапоги на каблуках, в которые запихнула меня Ерохина, стали доставлять дискомфорт еще через час стояния, но не критичный. И к моменту, когда объект с его школьной сексуальной грезой ожидаемо решили продолжить общение в более интимной обстановке и свалить к нему в гостиничный номер, я не ощущала еще сильной усталости. Букет для меня внезапно обратился в заранее припасенный романтичный сюрприз для Насти, отчего она чуть не оглушила всю парковку визгом и минут десять с ним тусила, чтобы уже наверняка побольше людей это заметили. По пути парочка покри-

кивали и на меня и на бедолагу водилу, что все это время скучал в тачке.

– Дверь открой! – швырнул в лобовое с заднего сиденья комок из смятых купюр Некрасов и, вывалившись наружу, добавил: – Свободны!

Мое задание завершалось после возвращения объекта в номер, и я, не реагируя на их язвительные высказывания, довела все до конца.

– Может, еще и свечку поддержишь? – покачнувшись, фыркнула презрительно явно страшно довольная собой Настя.

Я же молча закрыла дверь и пошла к лестнице. То, что кое-кого ждет сюрприз утром в виде узнавания о чистых понтах, на которые она купилась, вообще не мое дело.

– Вас подвезти может куда-то? – впервые подал за это время голос водитель уже бывшего объекта, и я посмотрела на него внимательно.

Немолодой, но привлекательный мужик, между прочим, с умным внимательным взглядом, невысокий, крепко сбитый, мне кажется, бывший военный или полицейский. Да уж, жизнь в стране сейчас такая, что таким как он приходится идти в службу к любому, готовому нормально платить. Семьи кормить ведь нужно.

– Нет, благодарю, я пройдусь лучше. А вы идите к себе в номер отдыхать, устали же за день небось.

– Так и вам же на каблуках сколько простоять пришлось.

Зачем пешком идти?

— Ерунда! Каблуки для девушек дело привычное, — солгала я.

— Да вы не подумайте чего, я же без задней мысли!

— Я и не думала. Правда, хочу пройтись, — отмахнулась, и, чтобы не препираться больше, торопливо пошла по улице.

Гостиница находилась практически в центре, в двух кварталах от Красной, куда раньше нас каждые выходные водили гулять родители. Я шла и шла, не уловив того момента, когда воспоминания совсем захватили меня. Вот тут стоял уличный пункт продажи овощей, где Лариске всегда следовало купить длинный тепличный огурец, иначе истерики и испорченной прогулки было не миновать. Спокойствие длилось ровно столько, сколько она точила свой овощ. А мне всегда хотелось банан, но денег на все хотелки не напасешься, и раз уж ты старше, то это пора понимать...

Вон закрытая в такой час пекарня, где мы брали всем невероятно вкусные и копеечные булочки с маком и ели их прямо на ходу горячими.

А вон из того окошка торговали мягким мороженым в вафельных рожках. Тогда еще самое первое место продажи этого лакомства в нашем городе, и вечно стояла огромная очередь. Тогда всего один сорт, с ванильно банановым вкусом, а сейчас владельцы уже кафе в этом здании отгрохали и видов мороженого там больше двадцати, вот только ни разу его не захотелось.

А вот витрина зоомагазина, в который мы вваливались с сестрой наперегонки и бежали каждый в свою сторону: я – узнать не привезли ли каких-нибудь новых рыб, она – посмотреть на мартышку в большой клетке в углу. Как же я тогда мечтала о собственном аквариуме – от стекол не оторвешь, а сейчас вон разве что смотрю мельком дома.

Хлопнула железная дверь подъезда и до боли знакомый звук заставил вздрогнуть и ожидаемо обнаружить себя в родном дворе. Подняла голову, уставившись в окна на третьем этаже. Горел свет, но шторы задернуты и не рассмотреть ничего. Приказала себе проваливать, но ноги как сами понесли в подъезд и вверх по лестнице. На площадке остро пахло запеченной по маминому фирменному рецепту курочкой, и я невольно сглотнула слюну. Ей какую-то особенную приправу для этого блюда присылала пару раз в год родня с юга вместе с сушеной хурмой и чурчхелой.

Я подошла к самой двери и долго пялилась на кнопку звонка, впитывая запахи и звуки, по которым так тосковала, но так и не решилась нажать. Постояла еще немного, ощутив наконец дикую усталость и поплелась прочь, ощущая себя дворнягой, которую выперли из дома. За дело, но от этого ноет внутри не меньше.

На первом этаже столкнулась с Наташкой Радун, что как раз озадачилась выносом сильно звякающего стеклом мусора на ночь глядя.

– О, Женька, ты! – обрадовалась она и в который раз

за этот вечер окатила меня спиртовым выхлопом. – Опять к родокам приходила?

Пришлось кивнуть и ускорить шаг, пытаясь избежать неизбежного.

– Че, старые опять не пустили? – я не отвечала, и она продолжила: – Вот ведь... не правы же... Ну получилось так, че уже поделать? Так хоть одна дочь на старости лет будет, а так сами колотятся. Вчера слышала, как мать твоя во дворе жаловалась, что мол и пенсий им ни на что не хватает и сил нет даже занавески снять и постирать. А года-то, года-а-а обратно не идут! Вот сами же изначально не правы, и нет бы...

Я резко обернулась и, выхватив из кармана кошелек, выгребла из него все, что было, и протянула молодой женщине.

– Наташ, пожалуйста, ты напрись к ним помогать, а! По дому и продуктов там купить. Я платить тебе буду и если хватать не будет на что-то – звони. Я буду добавлять. Хорошо? Только не говори, что видишься со мной, ладно?

– Ну... ладно. – Наталья глянула сначала неуверенно, а потом ее глаза сверкнули алчностью. Не все, что дала, до моих дойдет, конечно, но и плевать, хоть как-то дотянуться... – Сделаю, не трудно мне. А ты это... когда думаешь они тебя простят?

Сил ответить у меня не нашлось. Покачав головой, я вылетела из подъезда и, рискуя подвернуть ногу или привести казенную обувь в негодность, побежала прочь.

Глава 7

Сойка

– Приве-е-ет! – помахала мне рукой явно уже очень веселенькая дама за тридцать, широко и многообещающе улыбаясь. – А ты не из наших, да? Что-то я тебя не помню. Хорошенький какой!

– Да я сегодня у друзей трезвый водитель, – без зазрения совести соврал и подмигнул ей, стараясь при этом одновременно и не выпускать из поля зрения Воронову, и не спалиться, что торчу в пяточке полумрака прямо перед входом в актовый зал, что сейчас был пиршественным.

На мою удачу пара потолочных светильников тут не горели, видать, загнувшись от старости или от удалой дурости школяров, и увидеть меня сходу из ярко освещенного зала было не вариант.

Машину нанимателя моей Лыдины я догнал быстро, но сильно не прижимался, сохраняя дистанцию и ширму в виде двух-трех тачек между нами, потому что Воронова могла и засечь меня. В школу тоже зашел, выждав десять минут, чтобы случайно не спалиться. Нет, конечно же, Воронова не бросилась бы ко мне с допросом какого черта я тут де-

лаю, забив на объект, и я бы запросто и не моргнув глазом, сбрыхал бы чего-нибудь про «да я же тут учился тоже, клянусь, просто молодо выгляжу и вообще эрудит», но ехал-то страховать ее, а не отвлекать.

Вдатое мудило, он же ее объект, начал бесить меня сходу. Слышать его пьяных высеров в сторону Жени я не мог в общем шуме и орущем из хрипящих колонок музоне, но развязные жесты и рожи сами за себя говорили. Этот гондон штопаный явно звезду поймал и корчил из себя крутого перца под охраной, у которого есть право с личной тельницей, как с холопкой крепостной обращаться. У меня прямо зубы сводило, и кулаки чесались эту самую звезду ему в глотку затолкать, чтобы подавился ею, а потом и задница порвалась на выходе. Лишь только то, что самой Вороной было похоже глубоко плевать на его гадское поведение, и она хранила полную невозмутимость, стоя позади него примером абсолютного, сука, ледяного великолепия в окружающей ее суете, меня держало на месте. Охеренная, реально охеренная, женщина, в присутствии которой, других просто не видишь, не замечаешь.

– А кто твои друзья? – продолжила расспросы любопытная помеха в наблюдении, покачиваясь, но не критично. – Я их знаю?

Гениальный вопрос, конечно. Типа я могу быть в курсе кого она знает, а кого нет.

– Смирнов, – ляпнул от фонаря, смещаясь чуть вправо,

чтобы получше рассмотреть компанию каких-то мутных типов за дальним концом стола.

О чем базарят не разобрать, но зыркают очень неприятно в сторону объекта и Лыдины, и их мерзко-похабный дружный ржач даже долбанные «Розовые розы Светке Соколовой» перекрывает. Зуб даю, что сейчас дойдут до кондиции и выкинуть какую-нибудь срань попытаются.

– Смирно-о-ов? Ленька что-ли? – не унималась в своих поисках истины подвыпившая бывшая школьница и повернулась в сторону зала наконец. – А он тут? А чего я его не видела?

– Да всего минут десять как пришел. – соврал я и, как будто кого-то заметив, помахал рукой с нарочитой улыбкой. Идите вы уже, женщина.

Сработало, и, сильно прищурившись, дамочка потопала в эпицентр гулянки, правда, обернувшись и покачав пальцем с многозначительной ухмылкой.

– Смотри не пропадай! Я к тебе еще вернусь! – пригрозила она. – Меня Таней зовут.

– Угу, очень приятно, – буркнул я, уже сосредоточившись на начале передислокации смердящей гемором компании.

Они организованно поперлись на выход зала, и, пройдя мимо Вороновой, облапали ее такими взглядами, что сомнений в их намерениях у меня не осталось. Поэтому без раздумий долгих пошел за ними, как оказалось в сторону местного сортира.

– Я этого пидора Сяву научу как вы*бываться не по делу, – зло бубнел по пути самый здоровый, он же, видать, бывший предводитель школьной шпаны, который, судя по тюремным наколкам, успел отчалиться за что-то. – И эта еще Федотова, прошмандовка конченная, хвостом перед этим чмошником завияляла, как сучка течная. Забыла, как передо мной стелилась.

Громкость разговора они не нормировали, как и свойственно уже хорошо поддатым людям, так что мне и сильно приближаться не пришлось, чтобы все расслышать.

– Да может ну их нах, Игорян, – подал голос разума его дружок, но не был услышан. – Вдруг эта телка и правда какой-нибудь командос, бля?

– Ты че, шалаву ряженую зассал, Серый? – а вот за шалаву ты у меня отдельным пунктом ответишь, идолище. – Какая нахер командос такая – тощая и на копытах этих? Небось, нарочно ради понтов дешевых снял путану и заставил вырядиться. Думает, мы лохи на такое купиться. Ты охрану у конкретных пацанов видел? Да там хари такие, что за три дня кругом не обосрешь, и плечи в двери не проходят, а тут эта...

– А если она реально... – а у Серого чуйка-то какая-никакая работает, даже под алкогольной анестезией, да только у дружка он явно не в авторитете. А зря.

– Да срать! – рявкнул тугодумный Игорян и ввалился в туалет, тут же прикуривая. – Хоть какая командос, мы что ее втроем не замесим?

– Ну... замесим... – неправильный, тупари вы, ответ. За-
мешает исключительно вас.

Я встал у стены, рядом с приоткрытой дверью дослушивая, а заодно снимая куртку. Уделаюсь еще чего доброго, а мама мне потом мозг выест.

– Короче, Серый, слушай сюда: вызовешь Сяву к нам на потолковать по-пацански за жизнь, типа, знать мы хотим как он в такие люди уважаемые выбился, а эта кукла его за ним попрется.

– А если он не поведется и не выйдет? – с явным нежеланием почти прорыл подельник.

– Да поведется, куда нахер денется! Я че, не вижу, что его аж ломает от понтов? Лысый вон отвлечет кобылу его, а я ей пару раз сзади по почкам и в печень, и скиснет мигом. Ишь ты, по баням он типа шалав не таскает, п*здабола кусок. Да мы их обоих по-тихому в тачку сунем и к тебе на дачу отвезем, Серый. И будет эта овца ряженная как миленькая нас всю ночь обслуживать, а Сява пусть смотрит и место свое помнит. Еще и бухло нам со жрачкой оплатит, если захочет снова свет белый увидеть. Смотри ты, забыл он, сученыш, как башмаки мне вылизывать заставляли.

– А вдруг ерепениться будет, может, с характером она.

– На прошлой неделе та малолетка тоже поначалу ерепенилась, но как по башке получила, так мигом шелковая стала. Помнишь как шустрила? – они гнусно заржали, а у меня кулаки сами собой стиснулись. Мрази, я-то думал они чисто

хулиганье, а эти уроды моральные вон чем занимаются. Кастрировать бы ублюдков.

– А если Федотова еще увяжется за ним? – однако, продолжил искать пути отступления Серый.

– Да я ей разок леща отвешу и мигом сва... – Игорян осекся, когда я встал в дверном проеме, уставившись на него прямо и с вызовом.

Конечно, можно было дать всему идти своим чередом и действительно только подстраховать Воронову, не позволив у*банам напасть исподтишка. А потом полюбоваться от души, как она этих гондонов по местному паркету ровным слоем раскладывает. Кровища, сопли и зубы во все стороны, как и заслужили. Но, во-первых, насколько знаю, первоочередная задача у личного охранника – вывести максимально быстро и нетравматично объект из зоны угрозы, а это ни черта не зрелищное избиение будет. А во-вторых и в основных, нормальный мужик во мне протестовал против бездействия. Стремно это, когда ты знаешь и можешь, но ни хрена не делаешь, сама же запросто справится. Бабы... Женщины, в смысле, они в принципе много чего сами могут. Практически все. Но если они все сами и будут делать, то мы им накуя тогда? В качестве декоративного элемента в дополнение к наряду, когда в люди выходят? Или для души, как котики-кролики-рыбки, эдакое бесполезное ниоchemошное нечто, пользы – ноль, но смотреть-возиться можно, хоть время есть чем занять, и хорошо, что хоть не мимо сортира

гадит? Ну или чисто для секса, но тогда это вообще отстой. Тогда ты не могучий самец получаешься, а постельная принадлежность. Может, кто и не увидит тут проблем, потому как секс – он и в Африке секс, и дело лишь в том, дают тебе или ты сам одноглазого душишь. Но для меня – не-а. Дают как раз самцам, а постельными принадлежностями пользуются, ясно?

Короче, решил, что Льдине быть моей девушкой? Решил. Ну и понеслась тогда.

– Ты че так таращишься? – набычился мигом, словив отсутствие доброты в моем взгляде Игорян. – Кто такой вообще?

Его прихлебатели тоже пырились с превосходством и насмешкой. Аж трое же их, да? Замесить девушку толпой, так?

– Закурить дашь? – спросил и нарочно сплюнул им под ноги.

– Дают шмары, а курить свои надо, сынуля, – презрительно скривившись ответило идолище поганое.

– Да ладно, не курю, а на шмару ты точно не тянешь – страшный больно, так что булки так откровенно не расслабляй в предвкушении, – улыбнулся я ему издевательски, делая стремительный шаг вперед. По печени, говоришь?

Мой кулак беспрепятственно и очень смачно поприветствовал данный орган Игоряна, одновременно с его мною спровоцированным вдохновенным «Да ты оху... ох!»

Предводитель упырей согнулся пополам, сипя нечто

неразборчивое, а его дружок Лысый попытался заехать мне в ухо. Руку я его перехватил, уклонившись, и дернул, обводя мимо себя и, используя силу удара противника, рванул вперед, вмазав в бороду с локтя и отправляя к согнувшемуся Игоряну, которому добавил кулаком по затылку в догонку. Оба повалились общей кучей ко мне под ноги, а я шагнул назад и резко обернулся к последнему персонажу. Ублажать вас моя Воронова троих будет, да, олени вы похотливые?

Но и раньше проявлявший сомнения в целесообразности и удаче их предприятия Серый продемонстрировал мне, что он не полный дебил – шарахнулся к стене и выставил перед собой руки.

– Э, мужик, ты чего? Я же ничего вообще...

– У тебя, слышал, тачка есть? – перебил я его.

– А? – на секунду завис он, но, опомнившись, полез в карман, выдернул ключ с брелоком и протянул мне в трясущейся руке.

– Значит так: для вас веселье сегодня закончено. Дружбанов берешь, грузишь, и валите дальше отдыхать хоть в баню, хоть на дачу, хоть к чертовой матери. А если у кого-то возникнут возражения, то грузить вас будут уже люди в белых халатах и в труповозку. Выкупаешь?

– Да че мы сделали-то?

– В данном конкретном случае возмездие случилось до самого факта преступного деяния, и это вам еще, охренеть как, повезло, мудацье. Если бы вы рыпнулись на нашу

личную охранницу супер-мега-экстра класса, то сразу вам кабздец бы и пришел. Моментальный, жесткий и без права на амнистию. Она – баба-зверь лютый! Меня начальство приставило следить, чтобы летальный ущерб здоровью окружающих пореже случался, сечешь? А то отмазывайся потом по судам.

Серый часто закивал, а я не спеша воспользовался помещением по его прямому назначению, руки вымыл и почти ушел, оставляя всех в том же положении, но не выдержал и вмазал-таки с ноги в пах придурку, и он с воем повалился. И да, лежачих бить стремно, но не в этом случае, так что, ради справедливости его друзьям тоже отвесил пинков по причинным местам. Может, хоть какое-то время не до скотства с девчонками будет.

Вернулся в коридор к актовому залу, накинув по пути куртку, и убедился в том, что моя Ворона все там же. Эх, еще бы и Сяве этому конченному навешать, что заставляет почти мою девушку столько на каблуках стоять. И Ерохиной – выговор и никаких больше вкуснях из кафешки. Я теперь вообще стану потаскуном узконаправленным... на какое-то время. Только бы выяснить еще – какой вид поноски, что готов в зубах таскать, может обрадовать Лыдину. Пока-то с этим никакой ясности.

Чуть не промухал момент, когда объект Лыдины со спутницей решили покинуть общее веселье, еле успел за угол свалить. В гостинице Воронова пробыла минут десять, а по-

том о чем-то поболтала с водилой, походу он к ней подкатывал. Откуда вы все, на мое зазихающие, понавывлазили, а?

Дальше Евгения пошла пешком, причем, не торопясь и с задумчивым выражением лица, так что мне, чтобы следовать за ней, пришлось вскоре бросить тачку. В каком-то дворе она некоторое время просто стояла и смотрела на окна. Лица ее я видеть не мог, но что-то в ее осанке, всегда безупречной, изменилось. Плечи поникли, руку одну к животу прижала, вроде как болит у нее что. Ну и кто тут живет, а? Какой-нибудь бывший, по которому ты сохнешь, Лыдина моя? Кто он на хрен за человек такой, если ты, ТЫ к нему под окна ночами постоять приходишь? Супермен какой-нибудь, бля? Новая гребаная реинкарнация Казановы? Забей, Ворона, я теперь есть!

Когда Евгения таки пошла в подъезд, я чуть не ломанулся тормозить ее, нутро точно жгучей кислотой прижигать стало, аж деревья отпинал. Продышался чуток, красное передзенками просветлело, и понял, что валить пора, чего тут торчать-то? Может, она домой пришла, где у нее мужик и кот с собакой для полного комплекта, в шоколаде все, короче, а в окна смотрела... да потому что, хер его знает почему, это же женщина, еще и Лыдина.

Смирившись, я поплелся на выход со двора, но тут железная дверь подъезда грохнула, и Воронова вылетела оттуда бегом и побежала прямо на меня. Я замер, что тот олень в свете фар на трассе, понимая, что спалился, и судорожно

соображал чего соврать, но девушка пронеслась мимо меня, не заметив в упор. И что это, блин, я слышал? Она плакала? Ледяная непрошибаемая Воронова рыдала на бегу?

Офигевая до глубины души, я рванул следом, не таясь, ведь ей явно сейчас плевать на все окружающее. Евгения неслась сквозь дворы, судя по всему, прекрасно зная дорогу, а я феерично навернулся, чуть не сломав шею, не заметив в снегу оградку детской площадки. А пока собрал в кучу конечности и поднялся, понял что потерял Воронову из виду. Повертелся, побегал, прислушиваясь и присматриваясь, но все бесполезно. Ла-а-адно, всегда ведь можно вернуться сюда днем и расспросить местных бабулек каких-нибудь. Лыдина девушка видная, и мало с кем ее перепутаешь, если живет рядом – найду.

Насколько долбануто себя веду и зачем вообще это делаю, по сути выслеживаю уже и преследую девушку, что ни хрена мне поводов для этого не давала, вопроса в разуме не возникло. Ну и ладно, значит внутри эта... как ее? Гармония, вот!

Глава 8

Ворона

Проснулась поздно, как всегда и бывает со мной после визитов к родительской двери и следующей за ними алко-анестезии. Морщась, убрала с журнального столика две пустые винные бутылки и вытерла темно-красную лужицу, поплелась до кухни. Поставила чайник, дошла до санузла, ужаснулась своей опухшей физиономии в зеркале – от глаз одни щели прямо остались. Паскудно, как же паскудно я себя чувствую и противна сама себе каждый раз. Ведь зарекаюсь, что выдержу без сваливания в истерику и пьянку, но пока из всех достижений, это то, что рыдать начинаю не прямо под дверью, колотя в нее кулаками и умолая, и просыпаюсь в своей кровати, а то бывало всякое...

Влезла в чашу старинной чугунной ванны и крутанула кран холодной воды. На макушку упали ледяные струи, и выдержать это без вопля было не вариант. Зато мигом прояснение в мозгу наступило. Растерлась полотенцем, постукивая зубами и вернулась на кухню сварганить себе кружку кофе, глянула на часы.

Пора начинать собираться. Все наши Орионовские сего-

дня идут в ресторан на предновогодний корпоратив – инициатива Андрея Федоровича. Оксана Боброва – одна на всех руководителей помощница настойчиво зазывала и меня, но я выдвинула предложение получше – подменить оперативно-го дежурного Алексея Новикова. Так и ему не страдать, оторванным от оттягивающегося коллектива, и мне не мучиться на этом тусняке. Ведь просто отказаться от настойчивого предложения руководства вроде как проявить неуважение, а по весомой причине – нормально. Так что, из обделенных сегодня останутся только те ребята, что на сменах на объектах и наша группа быстрого реагирования. Им один сок светит, ведь в любой момент может быть сработка где-то, о которой мне и нужно будет их известить, и полетят орлы разруливать что-нибудь.

По квартире раскатилось громкое верещание звонка, долбанув в мой еще страдающий от похмелья мозг, а потом в дверь и вовсе требовательно заколотили. Кто это там такой нетерпеливый-то? Морщась и ругаясь про себя, дошла и щелкнула замком, и тут же дверь резко распахнулась без моей помощи.

– Здравствуйте! Я – адвокат Маргарита Баринова, представляю интересы господина Ветрова, – протарахтела эффектная блондинка, облаченная в шубу из голубой норки чуть ли не до пят. – У меня для вас необычайно выгодное коммерческое предложение. Могу я войти?

Не дожидаясь моего ответа, она шагнула вперед, но впус-

кать ее я не планировала, так что дорогу вежливо уступать не стала.

– Здравствуйте. Никакие предложения меня не интересуют. Прощайте, – отчеканила и стала закрывать дверь, но визитерка уперлась в нее рукой, а второй сунула мне под нос какие-то бумаги.

– Вы ведь Евгения Воронова, собственница большей части данной квартиры? – я кивнула, настораживаясь, – Поверьте, наше предложение вас более чем заинтересует. Господин Ветров покупает весь этот дом и намерен заняться его реставрацией, а вы на те деньги, что он готов предложить за данную весьма запущенную жилплощадь, сможете приобрести просторную квартиру в новом перспективном районе или даже дом!

– Не интересует, – отрезала я.

Ну да, дом у нас не новый, ремонт не помешает, но я его люблю и хочу тут жить.

– Не глупите, Евгения, вы даже не взглянули в документы! Больше за эти убогие комнаты вам никто не предложит! – практически закричала адвокат в щель, ослепив меня совершенно не искренней широкой улыбкой и блеском бриллиантов в серьгах.

– Я вам уже дала принципиальный ответ, и мелкие частности его не поменяют.

Дверь захлопнулась, и я услышала, как Баринова шепотом меня обматерила, однако громко заговорила опять вежливо.

– Евгения, не могли бы вы тогда хотя бы дать мне контакты вашего соседа – Николая Свирского?

Да сейчас! Чтобы вы у него комнату выкупили и имели полное право входить и уничтожить всю ценность моего личного безлюдного пространства? Черт, может, стоит поговорить с Колькой насчет выкупа его комнаты, а то если эта ушлая дама на него как-то выйдет, то мне грозить может попытка выжить. Само собой, что напугать или даже физически надавить на меня будет нелегко, но ведь можно просто создать невыносимую атмосферу, о таких приемах я частенько слышала.

Не обращая больше внимания на стук, я пошла в свою комнату собираться. Забросила в сумку несколько яблок и книгу по рукопашке, огляделась напоследок и вышла. Маргарита уже, к счастью, ушла, так что я заперла за собой входную дверь, громко скрежетнув массивным ключом в старинном замке.

– Евгения, должен буду! – радостно выскочил из-за стойки с телефонами Новиков, собираясь влиться в дружную сваливающую в ресторан компанию.

– Не будешь, – равнодушно качнула я головой. – Я терпеть не могу тусовки всякие, так что, сама хотела.

Пошумев и поржав еще минут десять, все наконец свалили, и я пошла запирать офис изнутри. И только тут обнаружила в дежурке оперов развалившегося на диване Сойкина перед включенным телеком.

– Я запираю дверь, – сообщила ему, внутренне ухмыльнувшись.

– Ага, давай, – отозвался он, даже не отвлекшись от просмотра какого-то боевика.

То есть, ты так решил действовать?

– Все ушли, – дала нам обоим еще шанс разойтись без весьма вероятных последствий.

– Заметил.

И? Чего тогда к дивану тут задницей прилип?

– Праздник начнется без тебя.

– Ну, каждому свой праздник.

Меня задолбало миндальничать.

– Посторонним в офисе после закрытия быть запрещено.

– Так я не посторонний. Я же к тебе в усиление руководством назначен.

Врешь ведь, засранец – чуть не вырвалось у меня. А то я тебя насквозь не вижу.

– Почему меня тогда об этом не предупредили?

– Серьезно? – приподнял он свои светлые брови с невиннейше-лукавым видом. – Без понятия. Но если ты меня подозреваешь в чем, то звякни начальству.

Ну да, начну сейчас названивать и уточнять. Народ весь такой на предвкушении веселья, а тут я с «поясните, пожалуйста, зачем мне усиление». И да, я тебя не то, что подозреваю, я точно знаю на что надеешься. Даже слегка любопытно на какие усилия пошел Сойка, чтобы организовать этот

наш тета-тет. Но вряд ли он решился на откровенное вранье и здесь сейчас без позволения руководства. Да и в конце концов, мы едва ли не ежедневно в этом офисе вместе находимся, разве что не наедине. Как там сказал Корнилов? Эволюционный фактор для моей устойчивости? Угу, а еще, и так сказать, средство для избавления от напряжения в принципе. Кое-то упорно пытается стать инструментом для этого избавления? Кто я такая, чтобы категорически запрещать ему это или героически сопротивляться? Сам нарвался, как говорится. Но пока играем.

– Ладно, – пожала плечами равнодушно и пошла на рабочее место.

Сойкин выдержал паузу в целый час, прежде чем задницу ему припекло все же.

– Надо офис обойти, окна-двери проверить, свет повключать, если кто оставил и электроприборы какие, на всякий пожарный, – заявил нежеланный напарник, становясь перед стойкой и пристально уставившись на меня.

– Иди, – разрешила я, снова ухмыльнувшись про себя. Пришло время действий, да, Сойка?

Михаил утопал вглубь офиса и некоторое время там чем-то грюкал и хлопал дверями. Вернувшись, опять застрял у стойки передо мной.

– Знаешь, тебе совсем не обязательно сидеть там на этом стуле. На диванах в дежурке удобнее будет, а если кто придет – мы услышим. У нас тут звуковое оповещение стоит,

подвязанное на фонари с датчиками движения. А на сработку тревожных кнопок с пульта так голосит зуммер – даже если уснешь, разбудит.

Он стоял и все так же пристально смотрел, я молчала и так же не отводила взгляд, ощущая пока только первого предвестника возбуждения – эдакое мягкое поглаживание по нервам.

– Да ладно, Воронова, приставать не буду, – не выдержал парень, широко и открыто улыбнувшись, отчего мне как всегда пришлось прилагать усилия, удерживаясь от ответной улыбки. Вот как это работает? С ним.

– Ты это уже делаешь.

– Ладно. Делаю, – легко признал он, и смешливости в его глазах поубавилось, она стремительно уступала место тому самому мощному мужскому голоду, что почему-то срабатывает как вызов, будя необходимость узреть его побежденным в сексуальном противостоянии, так же, как в наших тренировочных спаррингах. Опять же иррациональная какая-то штука, связанная исключительно с Сойкиным. – Но я же не собираюсь на тебя бросаться и насиловать. Можно же нормально посидеть и поболтать.

Стул, и правда, был не сказать чтобы удобным, и перспектива провести на нем всю ночь не прельщала, так что дам себя уговорить.

– Ты забыл о результатах наших спаррингов? Без шансов бросаться, если планируешь еще размножаться, – ответила,

поднимаясь, и, прихватив яблоко, пошла в комнату отдыха оперов, прекрасно чувствуя на себе его взгляд. Где-то пониже поясницы однозначно. И мне не неприятно. Я предвкушаю. – Насчет нормально посидеть – да, поболтать – не интересно.

– Да я уже заметил, что ты не любительница общения, иначе не осталась бы здесь со мной.

– Я осталась здесь одна, – ответила, с удовольствием располагаясь на мягком кожаном диване. – Твое присутствие оказалось сюрпризом.

– Давай предскажу: сюрпризов ты не любишь?

Еще едва переступив порог, сразу обнаружила на низком столике у дивана бутылку вина, стаканчики, коробку конфет и фрукты рассыпью.

– Мы на работе, – указала на очевидное и уселась на диван. – Алкоголь на сменах запрещен.

– Тоже мне алкоголь, – фыркнул Михаил, не спеша садиться рядом. – Просто шипучка для облегчения процесса общения.

– Сойкин, не нужно рассчитывать, что мое отношение к общению в принципе изменится после стакана вина.

– Тогда ты ничем и не рискуешь, если его все же выпьешь.

– Есть девушки которые ведутся на такое?

Я вообще-то думала, что его слава соблазнителя подразумевает некие более тонкие приемы, способные пробудить реальный интерес у девушки. Или что, дело просто было

в правильном подборе соблазняемых объектов не слишком высокой взыскательности, и хватало собственной привлекательности для достижения результата? Типа спасибо родителям и природе, одарившей, и на хрена прилагать усилия? Прямо разочарована. Точнее хотела бы быть, врать самой себе нечестно.

– Из девушек тут сейчас только ты, и меня интересует исключительно на что ты поведешься. – А вот это было сказано уже абсолютно серьезно. Настолько, что даже слегка насторожило.

– Точно не на возможность хлебнуть вина в качестве будущей отмазки для своей гордости, – решила я ответить прямо.

– А что сойдет за такую отмазку? – глянул парень на меня с цепким любопытством.

– Ничего. Они мне не нужны. Я взрослый человек и считаю, что нужно или не совершать поступков, требующих потом оправданий, либо уж делать и не сожалеть ни минуты.

Не делать – мой выбор последние годы. Жаль, что только после того, как уже совершила столько всего, о чем бесконечно сожалею.

– Тогда что мешает нам сейчас раздеться и заняться сексом? Я тоже взрослый мужчина и руку на отсечение дам за то, что ты реально хочешь меня, так же как и я тебя. Станешь врать, что это не так или сделаешь честный выбор?

Ух ты, а ты, Сойка, прямо наглец самоуверенный, готовый все выворачивать в свою пользу. Но в нашей ситуации такой

простецкий подход одобряю. Но пока не покажу.

– Нет. Задам вопрос для начала. С чего ты взял, что я об этом не пожалею? – спросила, прекрасно отдавая себе отчет, что происходящие уже не пустая болтовня – прелюдия по факту.

– Ты же только что говорила, что не склонна сожалеть... – сквозь маску самоуверенного нахала проступило нешуточное беспокойство.

– О собственных поступках – да. Но не о бездарно потраченном на посредственного любовника времени. Видишь ли, я не больна сексуальным альтруизмом и не склонна раздари-вать оргазмы без качественной отдачи. И если в твоём случае заявленные тобой действия однозначно обернутся кульминацией, то насчет моего удовольствия в процессе уверенности однозначной нет.

– Хм... А ты всегда подходишь к сексуальным приключениям настолько обдуманно? – озадаченно спросил Сойкин, а его тщательно скрываемое смущение выдали покрасневшие уши.

– Настолько. Поэтому как приключения это никогда не рассматриваю.

– А как рассматриваешь?

– Как процесс, призванный принести пользу моему женскому здоровью, который предпочитаю контролировать во избежании осечек.

– Офигеть! – пробормотал парень и шумно выдохнул, дер-

нув воротник рубашки. – Звучит пиз... максимально несексуально, но у меня что-то прямо кукуха съезжает от мысли, что ты можешь мною попользоваться натуральным образом для собственного кайфа, знаешь? И я за любой вариант, только бы с тобой.

Я приподняла бровь, изучая его лицо, а Сойка ответил мне прямым взглядом, в котором уже запылала ничем не скрываемая лютая плотская жажда. И моя собственная вдруг нашла лазейку в возводимом мною запрете и рванулась наружу, слегка шокировав незнакомой прежде интенсивностью.

– Готов мне подчиняться?

Черт, Сойкин, последний шанс тормознуть нам обоим.

– Аж бегом! – кивнул парень, и его ноздри хищно затрепетали. – Но одна просьба.

– М?

– Косу дай твою расплести. Хочу этого – трындец как.

Глава 9

Сойка

В башке грохотало, как в пустом ведре, и при этом там же умудрились метаться сразу куча дурацких мыслей. От абсолютно тупого изумления в стиле «А что, так можно было? Просто прямо спросить?» и почти панического «Дебил, надо было быстро передернуть пока с обходом по офису шарahalся, а то ведь могу опозориться от привалившего счастья» до судорожного воспоминания в каком кармане у меня резинки и отчаянной молитвы к всем силам Вселенной чтобы никакого западла в виде сработки не произошло, ибо все мы в курсе, что этот *баный закон подлости никто не отменял.

– Считаешь это сейчас уместным? – прозвучал в этом чердачном моем бардаке голос Евгении. По факту – чуть менее сухо-льדיстый, чем обычно, но по степени воздействия легкой бархатистой хрипотцы на меня – просто убойный для моей выдержки.

– А? – я, ошалев от счастья, секунду стоял столбом и таращился на то, как моя Ворона поднимается, поворачивается ко мне спиной и застывает.

– Возиться с моими волосами.

Уместно? Да просто п*здец как! Я об этом не то что мечтал – обдрочился на фантазию эту, спермы пролитой в честь твоих волос хватит... да, бля, окатить тебя с головы до ног, если бы я мог себе даже представить подобное кощунство! Сейчас же я сдох бы от счастья, увидев несколько капель на твоей голой коже. На золотистом теплом шелке в блеске испарины следы моей долгожданной победы.

Та-а-ак, стоп, тормозим с тем, что изоляется из меня, время работать на другой результат, а именно на то, чтобы протекла моя партнерша.

Отморозившись, я провел кончиками пальцев одной руки по ее косе сверху до низу и вдруг поддавшись внезапному совершенно бездумному порыву намотал этот толстый черный жгут на кисть и натянул, заставив Льдину запрокинуть голову, и поймал ее резкий выдох, почти успев столкнуть наши рты. Но Евгения тут же отвернулась, и мои губы лишь мазнули по ее щеке и скуле, и девушка вся напряглась, как если бы собиралась впороть мне с локтя, словно в одном из наших поединков. И я мигом отпустил, по расплавленным мозгам резануло испугом – охренел я что ли, вот так, с ней!

– Прости... – пробормотал и аккуратно снял резинку с плененных прядей.

Они сразу же принялись распадаться, сохраняя привычную извитость, я лишь слегка помогал этому волшебству пальцами, не в силах изгнать из башки ни вид ее лишь на мгновение покорно прогнувшейся спины и запрокинув-

шейся головы, ни жгучего ощущения намотанных на кулак волос. И мы еще и не начали, но я уже, сука, вангую, какой будет моя новая прочильная фантазия.

Воронова тряхнула головой, позволяя черному блестящему водопаду окутать себя со спины и медленно повернулась, посмотрев прямо в глаза, отчего у меня снова задергался бе-долага-член, которому, трындец тоже уже как, нужно было освобождение. Хотя бы пока от тряпок, а то он их скоро на-сквозь промочит.

Рядом с Вороной ему с первого дня никогда покоя было не видать, но как-то еще было по-божески, то есть терпимо, я же не скот примитивный, собой вообще не управляющий. Но вот только мы остались один на один с Евгенией, и я прыгнул с обрыва, предложив раздеться и трахнуться (хотя реально охреневал внутренне от собственной борзости и готовился быть посланным за примитивность подхода) и уловил отклик... Резкий вдох, от которого вздрогнули ее тонкие ноздри, расширившиеся зрачки, на миллиметр опустившиеся веки, что-то в контуре губ, как если бы они вдруг стал мягче, движение горла... Короче, те неуловимые вроде бы признаки, которыми женщина говорит тебе «да», даже если вслух это никогда не прозвучит и ничего никогда не будет, но от них у меня встал колом, прямо гребаным нестигаемым ультиматумом – только кончить и никаких других вариантов.

– Ты закончил игры с волосами? – едва-едва изогнула гу-

бы в усмешке моя сексуальная мечта.

Кончил бы – влет, а вот с закончил, походу, проблемка будет. И да, я прекрасно улавливал эту ее насмешливость постоянно и усилия поддеть меня или смутить. Но хер там это получится, уж точно не тогда, когда за терпение светит ее трахнуть.

– Готов быть использованным для твоего удовольствия или поработать для той же цели с полной выкладкой! – вернул я ей ее усмешку.

– Прямо готов? Раздеваться не будем? И разуваться?

– Конеч... О-о-ох, бля-а-а! – выдохнул я, когда к прямому вызывающему взгляду добавилось еще уверенное прикосновение ладони, накрывшей мой стояк сквозь ткань, от которого он задергался как бессовестный попрошайка, стремясь прорваться и поприветствовать кожа к коже, а яйца мигом поджались. – Степень готовности проверяешь? И как? Инструмент подходящей кондиции и параметров?

Стоп-стоп-сто-о-опэ-э-э, сказал!

– Считаешь, до сих пор у меня было недостаточно возможностей оценить эти параметры? – теперь ее усмешка вышла лениво-чувственной, как у хищницы, что точно сцапала жертву и прекрасно знает, что ей уже не вырваться.

Потому что жертва с ультиматумом в штанах ни хрена не желает вырваться, все как раз наоборот. Я сдохнуть как хочу, чтобы моя хищница перешла непосредственно к употреблению меня по прямому назначению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.